

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВРЕМЯ ИГРЫ

Василий Звягинцев
Время игры
Серия «Одиссей
покидает Итаку», книга 8

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120375

Василий Звягинцев Время игры: Эксмо; Москва; 2006

ISBN 5-699-06046-4

Аннотация

Игра людей и могущественных Держателей Мира, ставка в которой – сама возможность существования нашей реальности, продолжается. Поэтому путешествие по южным морям, затеянное Андреем Новиковым и Александром Шульгиным в надежде отдохнуть от забот, неожиданно оборачивается командировкой в будущее для одного и очередным рейдом по тылам вероятного противника для другого. Чем все закончится, предвидеть не может никто. Ясно одно: в большой Игре земляне уже не новички, а полноправные участники, а потому и задачи, которые им предстоит решать, совершенно иной степени сложности.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ИЗ ЗАПИСОК АНДРЕЯ НОВИКОВА	13
ГЛАВА 2	64
ИЗ ЗАПИСОК АНДРЕЯ НОВИКОВА	82
ГЛАВА 3	94
ГЛАВА 4	114
ГЛАВА 5	125
ГЛАВА 6	137
ГЛАВА 7	155
Конец ознакомительного фрагмента.	188

Василий Звягинцев

Время игры

ГЛАВА 1

Конец октября 1921 года выдался на юге России на удивление холодным, ветреным, из то и дело наползающих с северо-запада туч на землю проливались мутные дожди.

Но от этого во внутренних помещениях белого шестипалубного парохода водоизмещением в 25 тысяч тонн, удивительно похожего на «Мавританию», призера «Голубой ленты Атлантики» 1909 года, было только уютнее. Спокойнее и надежней, чем там, где каждый из гостей находился еще вчера или сегодня утром.

Воронцов специально пригнал «Валгаллу» в Севастополь, чтобы провести «большой сбор» без помех. Не отвлекаясь на реалии текущего политического момента.

Хотя в Мраморном море сейчас было тепло, светило по-осеннему ласковое солнце, и отчего бы не понежиться напоследок под палубным тентом или на пляжах восточного побережья...

Нет, здесь все-таки было лучше. Вдали от мирской суеты, в глубокой уединенной бухте, прикрытой с моря посаженным на мель старым броненосцем «Три святителя». Тихо (и

в буквальном, и в переносном смысле), спокойно, почти как в Замке у Антона или в бревенчатом тереме на Валгалле. До того, как все это началось.

Воронцов специально постарался, чтобы так все и выглядело. Или почти так, ибо ничего никогда нельзя воспроизвести в точности.

Стюарды накрыли стол для традиционного ужина в Кипарисовом салоне, выходящем на открытую к корме веранду шлюпочной палубы.

Стол сверкал крахмальной льняной скатертью, согласно флотскому этикету на корабле, состоящем в компании, посуда была подана серебряная, в начищенных бронзовых шандалах и бра горели ароматизированные восковые свечи, на решетке перед камином приготовлена аккуратная поленница дров.

Дмитрий еще раз все окинул хозяйским глазом, заглянул и на камбуз, отдал поварам и лакеям последние распоряжения. И задержался на пороге зала перед тем, как по внутренней трансляции пригласить гостей к столу. Да, теперь уже можно сказать, что и гостей.

Высокие зеркала в простенках отразили мелькнувшую на его губах не то ироническую, не то просто печальную усмешку. Он сам себе, в своем черном адмиральском кителе без погон, но с нарукавными нашивками, показался вдруг не флотоводцем, а метрдотелем изысканного ресторана.

Нельзя сказать, чтобы его так уж расстраивало нынешнее

положение вещей, но все же...

Заканчивается еще один жизненный этап, и никто не в силах угадать, каким будет следующий. Но пока что предвидимое будущее оптимизма не внушало.

Стоило ли вообще огород городить?

Новиков и Шульгин все-таки уходят.

Что они собираются это сделать, было известно давно, и сам Воронцов активно участвовал в подготовке к их путешествию, но как-то все воспринималось в далекой перспективе, а вот теперь дата отплытия определена, и все связанные с этим чувства обострились.

Как ни крути, получается, что теперь он становится как бы наместником, точнее – полноправным сатрапом южного Причерноморья и Передней Азии.

Независимо от того, что существует здесь и легальная, почти самодержавная власть Кемаль-паши, и полусоюзническая-полуколониальная врангелевская администрация зоны проливов и Царьграда.

Все равно будет так, как пожелает он, в недавнем прошлом вечный старпом Воронцов.

Казалось бы – лестно, а по большому счету – на кой черт ему все это сдалось? Он бы и сам с удовольствием отправился в беззаботный кругосветный круиз, а вот поди ж ты, получается, что и нельзя...

Ожидая, пока народ, в основном, разумеется, его женская половина, закончит приводить себя в порядок, а потом еще

доберется до салона из своих разбросанных по всему кораблю кают по трапам, продольным и поперечным коридорам, Дмитрий щелчком пальцев велел бармену налить себе рюмку «Шустовского» коньяку, здешнего, натурального, 1906 года изготовления. Подделок можно не опасаться. Махнул ее по-гвардейски, без закуски, вышел на палубу, на подветренную сторону, куда не залетали дождевые брызги, закурил, глубоко затянулся, задержав в легких дым, пока в голове не поплыло легонько.

Получится у них сегодня скорее всего нечто вроде собрания друзей-наследников Александра Македонского, как они там назывались... диадокси, кажется, делившие оставшуюся после его смерти империю.

Сейчас-то, слава богу, никто не умер, и императором никто из них не числился, но все же, все же...

Хитер, как всегда, оказался товарищ Новиков, он же господин Ньюмен. Осуществлял, как говорится, общее руководство проектом, по взаимному молчаливому согласию, ни за что конкретно не отвечая, а теперь вот взял и решил соскочить с тележки.

Отдохнуть от нервного переутомления.

Да нет, все правильно, какие могут быть претензии, он и сам, Воронцов, захотел бы – и тоже бросил бы все. На полгода, год, навсегда – как заблагорассудится. А вот не бросает же. Потому что, невзирая на обстоятельства, исполнять взваленную на себя миссию ему пока еще интереснее, чем

развлекаться.

Так что – оставим рефлексии. Тем более не слишком похоже, будто Андрей и в самом деле сможет удалиться от дел. Покатается-покатается на своей яхте, да и удумает нечто этакое... Ему не впервой...

От размышлений Воронцова отвлекли зазвучавшие за дверью салона голоса. Кто-то, значит, уже явился, опередив остальных. А ну, угадаю, кто именно?

... У стойки бара выбирали аперитивы, привычно о чем-то споря, Левашов с подругой, только утром прилетевшие из Москвы собственным самолетом.

Уставший от аскетического стиля пролетарской столицы Олег облачился в смокинг, Лариса же явилась в длинном, облегающем ее тонкую фигуру, как мокрый шелк, платье цвета надкрылий майского жука.

Они уже виделись сегодня, поэтому Дмитрий не стал прикладываться к ручке, просто кивнул, радушно улыбаясь.

– Не вижу темы для дискуссии. Все давно известно. – Он деликатно отобрал у женщины толстую, как телефонный справочник, карту вин, коротко бросил бармену: – Два «драй мартини» со льдом и маслиной. Мне – как обычно. – Обернулся к Ларисе. – Прошу прощения, но не следует уподобляться тому машинисту...

– Какому? – Всегда агрессивно-уверенная в себе женщина слегка оторопела.

– Про которого писал Ежи Лец. «Когда машинист ищет

новых путей, поезд обычно сходит с рельсов». Поэтому ничего не ищи, а употреби то, что проверено временем...

Возможно, Лариса еще что-нибудь спросила бы, но тут в салон один за одним повалили гости. Сразу стало шумно и весело. Только Наташа отчего-то задерживалась, хотя обещала выйти из каюты сразу за Дмитрием.

Наконец появилась и она, отчего-то слегка запыхавшаяся и взволнованная.

В ответ на удивленно приподнятую бровь Воронцова она молча увлекла его в дальний угол салона, к полукруглому дивану, почти скрытому двумя лимонными деревьями в фарфоровых кадках.

– Так в чем дело?

– Ты знаешь, я так испугалась... Еле добежала сюда.

Воронцову было непонятно, чего можно испугаться на его пароходе, где Наташа прожила уже целый год. После двух попыток покушений на членов его экипажа и самоубийственной торпедной атаки французского миноносца прямо на Севастопольском рейде система безопасности «Валгаллы» была им доведена до совершенства.

Мало того, что круглосуточную вахту несли безупречно натренированные и вооруженные согласно уставу роботы, что на стоянках все иллюминаторы на восьмиметровой высоте бортах были постоянно задраены броневыми крышками, а нижняя секция трапа поднята, так еще и большинство дверей надстройки, выходящих на прогулочные палубы и га-

лереи, тоже запирались, отчего проникнуть на корабль постороннему было абсолютно невозможно.

Потому внутри парохода можно было чувствовать себя не в меньшей безопасности, чем в средневековом монастыре или рыцарском замке, утвердившемся на вершине неприступной скалы.

– Нет, ты не понял... Может быть... Не знаю. Просто я вышла из каюты, пошла сюда, и стало вдруг так жутко... Эти бесконечные коридоры, десяток этажей вверх и вниз, пустые запертые каюты, залы... И тишина. Словно я очутилась одна в брошенном городе ночью. Или на кладбище...

– Ну, ты скажешь! Первый раз, что ли, одна по коридору шла?

– В том-то и дело, что не первый. А тут вдруг так испугалась... Будто шелестит что-то за спиной и глаза невидимые смотрят...

Наташа снова передернула плечами, и Дмитрий увидел, что ее открытые до локтей руки покрыты гусиной кожей.

«Нет, серьезно, у всех тут потихоньку крыша едет. Собаку ей, что ли, завести, мастифа, натасканного на посторонних... Или – на нечистую силу».

– Ну ладно, ладно, успокойся, – он на мгновение приобнял жену за плечи. – Иди вон, с девушками по коктейлю хлопните. Пройдет. У меня на пароходе не только привидений, крыс и то нет...

Наташа улыбнулась чуть виновато, вздохнула и послушно

направились к бару, где Лариса по-прежнему на повышенных тонах повествовала подругам о своих московских похождениях.

Такого рода сборы за столом давно уже предназначались не для насыщения и выпивки, прилично поесть можно где угодно.

Просто, по примеру Сталина и Гитлера, друзьям казалось, что важные вещи куда удобнее обсуждать в непринужденной обстановке, в хорошем застолье, глубокой ночью, при необходимости маскируя паузы манипуляциями с ножом и вилкой, а неудобные или неприятные для кого-то высказывания великолепно можно дезавуировать вовремя произнесенным тостом.

Сегодняшний же ужин имел особое значение. Новиков предполагал на прощание последний раз обменяться мнениями, может быть, что-то интересное для себя услышать из уст расслабленных эмоциями и напитками друзей, а завершить все чем-то вроде «политического завещания».

С каждым по отдельности он уже успел переговорить, и не раз, но напоследок ему хотелось, чтобы все нужные слова были сказаны при всех и всеми услышаны.

А если кто-то имеет отличное от прочих мнение, объявил об этом тоже публично. Слишком он хорошо знал историю, и не хотелось ему возвращаться из плавания «к разбитому корыту», на руины того «прекрасного нового мира», который он, невзирая на горький опыт предыдущей истории, все же

надеялся построить.

Поначалу так все и получалось. Под шорох дождя за окнами и завывание ветра хорошо шли разнообразные водки с холодными и горячими закусками, потрескивая, разгорелся камин, соскучившись, все были внимательны друг к другу и старомодно любезны.

Над столом легко и непринужденно летали шутки, которые были бы непонятны непосвященным, необходимые подначки, анекдоты, чаще непридуманные, почерпнутые непосредственно из нынешней экзотической жизни.

Короче – типичная дружеская вечеринка в Москве, какой она могла быть через шестьдесят лет от нынешнего момента.

ИЗ ЗАПИСОК АНДРЕЯ НОВИКОВА

...октября 1921 года.

Рейд Севастополя.

*И никогда мы не умрем, пока
Качаются светила над снастями...*
А. Городницкий

... Совсем это не походило на южный октябрь. Помним, бывали в свое время и в Крыму, и на Кавказе, в море купались, на солнце грелись, пили вино и пиво, с девочками обнимались у костра на дальних пляжах.

А сейчас сыро, ветрено, холодно, на берег накатывается мутно-серая волна, на термометре едва десять по Цельсию, а то и меньше.

Но если одет в длинный непромокаемый плащ, морские сапоги, капитанскую фуражку с широким, окованным по краю медью козырьком, так и ничего, хорошо даже.

Идешь в походе на дымозавесу тумане, цепляя плечами ветки, с которых то и дело срываются целые грозди брызг, попыливаешь специальной, снабженной крышечкой трубкой, засунув руки в карманы. Ступаешь на узкий бетонный пирс, в конце которого покачивает стройными, чуть склоненными назад мачтами яхта.

И наконец понимаешь, что все происходит совершенно так, как на страницах пожелтевшей школьной тетради в клетку, разрисованной по обложке всевозможной морской символикой. В ней я писал, по преимуществу на уроках, свой первый «настоящий» роман. Наверное, это смешно, но все написанное тогда и происходящее сейчас совпадает практически дословно.

Да и почему же смешно? Просто мне везет, как почти никому в жизни. Миллионы, да нет, за прошедшие века, наверное, миллиарды людей воображали в детстве, что им суждена пусть не великая, но все равно счастливая судьба, и ждут их исполнение желаний, красивые девушки, интересная работа, и на войне убьют кого угодно, но уж не их...

А на самом деле?

Только мне (нет, ну и еще кое-кому, конечно, единицам на сотни тысяч) выпало убедиться, что не обманывало предчувствие, что мы – другие.

Вот оно, передо мной, очередное подтверждение...

Тяжелая зыбь била в бетонный пирс, и яхта, названная «Призрак» в память о детских увлечениях романами Джека Лондона, несмотря на втугую выбранные швартовы, то поднималась вверх не меньше чем на метр, то проваливалась настолько же ниже кромки причала. Если бы не бочкообразные кранцы, сплетенные из манильского троса, от белоснежного лака бортов осталось бы одно воспоминание.

Мне пришлось ловить момент, чтобы перепрыгнуть с пир-

са на палубу через высокий фальшборт с подобающей истинному марсофлоту легкостью, не поскользнувшись на мокром настиле и не цепляясь за ванты, словно салага необученный. Что не так уж просто, как может показаться.

Хоть и не видит меня сейчас никто, а все равно капитану как-то неудобно проявлять неуклюжесть. Да и примета плохая.

«Тонкие мачты, оплетенные паутиной бегучего и стоячего такелажа, вонзаются в серое низкое небо. В борт плещет грязная портовая волна, и на белом лаке остаются клочья пены, нефтяные потеки, какой-то мусор. Морозящий дождь нагоняет тоску. Струйки воды сбегая по зеркальным стеклам рубки. Холодно, уныло. И так не вяжется с сумрачным миром вокруг щеголеватый, праздничный бело-голубой корпус яхты. Ну, ничего, завтра снимаемся. Пусть далеко, за Балтийскими проливами, но нас ждет солнечный океан...»

Да, вот именно так я писал в десятом классе, писал эти строчки редкой тогда китайской авторучкой с «золотым» пером, погружаясь с наслаждением в вымышленный романтический мир и отчетливо сознавая, что никогда такого не будет на самом деле.

И в семнадцать лет хватало здравомыслия понять, что гражданину Страны Советов в обозримые десятилетия нереально мечтать не только о собственной океанской яхте, но и о том, чтобы хоть на швертботе, хоть на плоту выйти бесконтрольно, по собственной воле за пределы реальной – на

суше, подразумеваемой – на воде, ограждающей «социалистический лагерь» колючей проволоки.

Тогда и поселилась в душе, пусть не всегда явная, неприязнь к лишавшей меня надежд власти трудящихся и совершенно уже безумная на шестом десятке лет ее существования уверенность, что еще при моей жизни она... накроется.

Одно время я даже мечтал увидеть свой труд опубликованным, а потом, чуть повзрослев, понял, что этого тоже не будет никогда.

Станным образом из-под пера благополучного юнца из вполне советской семьи вышло абсолютно антисоветское произведение, притом что в нем не имелось ни одной крамольной фразы. Просто он был весь, мой «роман», пропитан таким «не нашим духом».

Будь его герои иностранцами – другое дело. А когда все приключения происходили в «наши дни», с нормальными советскими парнями, старательно изображающими персонажей Джека Лондона и Артура Конан Дойла, эффект получился странный.

Вообще там все выходило так, будто никакой советской власти не было и нет, а говорят по-русски и носят русские имена граждане непонятной страны. Что немедленно приводило к аллюзиям насчет необязательности социалистического государства.

А в итоге получается, что так оно и есть. Дожили, можно сказать.

Впервые я всерьез поверил в это, увидев трехцветный российский флаг над Моссоветом в ноябре 1991 года, а потом, окончательно – в сентябре 1921-го.

И вот это тоже получилось, однако. Совершенно не так, как представлялось, и на много лет позже, а все же...

Но сейчас главное – не думать ничего такого, что может отвлечь от требуемого настроя.

Наоборот.

Необходимо всей душой и сердцем уверовать, что я – это именно тот парень, неважно как, пусть будет – чудом, но добившийся придуманной цели, а отнюдь не нынешний, с истрепанными нервами и омраченной совестью стареющий авантюрист.

Скорее всего – это тоже очередная глупость, наивная попытка вырваться из пут навязанной кармы, или, что вероятнее, – ею же предписанный шаг, но – кто его знает?

Вдруг да и получится? Если даже Держатели Мира и умеют отслеживать мои деяния, но, может быть, не с микронной точностью? Может быть, примут за истину внешнюю, тщательно подготовленную и замотивированную фабулу?

В любом случае – хуже не будет.

Поправив сырую от непрекращающейся туманной мороси капитанскую фуражку, я перепрыгнул с бетонного волнолома на выдраенную до чистоты операционного стола палубу.

Со странным в моем возрасте и положении волнением

прошел вдоль левого борта в корму, касаясь ладонью полированного планшера, втугую выбранных вант и прочих деталей стоячего и бегучего такелажа.

Романтика, однако. Скоро эти снасти развернут над морем все свои фоки, гроты, кливера и стаксели – две тысячи квадратных метров дакроновых парусов, и полетит наш «Призрак», подобно клиперу-виндjamмеру¹, в самые что ни на есть Южные моря. Где наверняка сохраняется еще почти весь антураж незабвенного XIX века, и, если присмотреться, можно различить на волнах следы кильватерных струй тех давно исчезнувших кораблей, о которых писали Стивенсон, Мариотт et cetera...

Ни на палубе, ни на мостике не оказалось вахтенного, что меня несколько удивило.

Впрочем...

За последнее время в мире случилось столько всяких странностей, что даже факт нерадивого отношения к службе биоробота, ни на какие вольности не способного по определению, меня почти не взволновал.

Потом разберемся.

Я сначала поднялся на крыло ходового мостика, приподнятого над крышей кормовой надстройки, еще раз, теперь уже сверху оглядел палубу яхты, пока еще носящей свое ис-

¹ Виндjamмер (выжиматель ветра) – жаргонное название наиболее быстроходных клиперов второй половины XIX века. Например, «Катти Сарк», «Флайнинг Спур», «Чаллиндж»...

конное имя «Камелот», данное ей при закладке.

Строилась она для одного из принцев или герцогов королевской крови на верфях Глазго, но что-то там у них не сложилось с финансами, и яхту перекупила леди Спенсер, чтобы эффектным жестом преподнести ее в подарок лично мне.

Формально это был знак благодарности за спасение от ее же бывших начальников на Валгалле, но я испытывал сильное подозрение, не есть ли это очередной изящный и тонкий ход в давно уже разыгрываемой между нею и мной партии странной игры, смахивающей одновременно на шахматы, преферанс и покер.

Подарок, от которого нельзя отказаться и который, будучи принят, неизбежно на какое-то время выведет меня за скобки происходящего. Я давно и страстно мечтал поплавать под парусами в Южных морях – теперь мечта стала реальностью.

... Два, три месяца, а то и полгода продлится это путешествие, и со мной уйдут Ирина и Шульгин. Грубо говоря, с доски убирается ферзь, ладья, слон, а из прикупа – туз с королем. Что на этом надеется выиграть Сильвия – пока не ясно, но сам факт налицо. Что ж, я всегда рад пойти ей навстречу...

А яхта была хороша, хотя, в стиле корабельной архитектуры начала века, ее палуба излишне, на мой взгляд, загромождена раструбами машинных вентиляторов, шлюпбалками, сходными тамбурами люков и прочим судовым оборудованием.

В центре, между фок- и грот-мачтой, возвышалась высоченная медная, надраенная до самоварного блеска дымовая труба. По-своему красиво, хотя и нелепо, если знать, что под этой трубой вместо паровой машины Никлосса тройного расширения установлены две мощные и легкие турбины по тысяче лошадиных сил каждая.

И вообще внешний облик «Камелота» – только видимость, декорация. Воронцов с Левашовым, усовершенствовав методику создания дизель-электрохода «Валгалла» из древнего парохода «Мавритания», и здесь произвели аналогичные манипуляции.

Оставаясь внешне прогулочной яхтой начала века, «Призрак» (так он станет называться вскоре) прочностью корпуса не уступал линейному ледоколу, а скоростью (на турбинах, конечно, а не под парусами) – современному эскадренному миноносцу.

И после выхода в океан, подобно рейдеру времен минувшей войны, он сбросит всю эту маскировку вместе со ставшим чужим именем, станет наконец истинным кораблем нашей юношеской мечты.

Дождь продолжал сыпаться с низкого хмурого неба, туман цвета махорочного пепла скрывал не только стоящую двумя кабельтовыми мористее «Валгаллу», но и совсем близкий берег. Я поежился от вдруг скользнувшей с полей фуражки за поднятый воротник плаща холодной струйки и начал спускаться по широкому дубовому трапу вниз, в сухое тепло

корабля.

«Призрак» готов к походу. К очень далекому походу. Что-бы здесь, в России, в Европе, об Андрее Новикове просто забыли.

Все.

Враги и друзья. И тем и другим станет легче, если он прекратит свою деятельность дрожжевого грибка, зачем-то брошенного в и без него не слишком спокойный мир.

Тем лучше. У меня свои планы, у друзей, у Сильвии – свои. И Сашка вовремя решил ситуацией воспользоваться. В итоге – все довольны, все смеются...

Еще я вдруг понял – как же они все, мои друзья, от меня устали.

Я этого никогда не хотел, но так все время выходило. Я им навязывал, возможно и без умысла, свои идеи, свои взгляды на мир, психологию, которую считал для всех подходящей.

И не улавливал самого простого: то, что я считал благом для всех, со стороны выглядело совсем иначе.

Я им всем ужасно надоел. Моя правота стала чем-то противоположным. Так бывает почти всегда в подобных ситуациях. Или неформальный лидер должен превратиться в диктатора типа Сталина и поубивать всех своих прежних соратников, или – просто отойти в сторону.

Что я и делаю.

Хотя, видит бог, никогда я не воображал себя хоть чем-то лучше других.

Чувства, которые мною владеют сейчас, – и смутная тоска, и облегчение, как у солдата, уходящего с передовой в тыл, допустим, в отпуск, и мысль – а не трусость ли это?

Да, о трусости я задумывался. Трусость не в банальном смысле, а как бы в высшем каком-то.

Короче, сначала это я смертельно устал, а уж потом – мои друзья от меня.

Устал от всего, но прежде всего от добровольно принятой на себя ответственности за «судьбы мира», как бы высокопарно это ни звучало.

Хотя скорее всего ничего я на себя не принимал, а просто плыл по течению, более или менее осознанно совершая те или иные действия, причем стараясь, чтобы они не слишком сильно расходились с некими принципами, нравственным императивом, если угодно, который сам же для себя и установил...

На трапе меня вновь охватило чувство, будто я по памяти восстанавливаю когда-то написанный, но потом утерянный текст. Все точно так же, но все же немного не так.

Нервы действительно ни к черту стали. Непосильную я взвалил на себя тяжесть и тащу вот уже почти два года, все чаще и чаще недоумевая, на кой черт мне все это сдалось.

Одновременно понимая, что ни выбора, ни выхода у меня не было ни в каком варианте.

Если не с первого дня встречи с Ириной, то уж с ее телефонного звонка февральским вьюжным днем восемьдесят

четвертого года – точно. Как на велосипеде без тормозов вниз по крутому горному серпантину. Крепче держи руль и уповай, что спуск когда-нибудь кончится и не появится из-за ближайшего поворота разобранный мост...

Кают-компания, куда я вошел, занимала почти треть объема жилой палубы, от бизань-мачты до кормового балкона. Что естественно – именно здесь нам придется проводить большую часть свободного времени.

Каюты, пусть и комфортабельные, предназначены в основном для сна. Или – если появится потребность в уединении. А здесь у нас будет и столовая, и библиотека, и музыкальный салон – одним словом, в сухопутном понимании аналог аристократического клуба, сосредоточенного в единственном помещении площадью около пятидесяти квадратных метров.

Слегка заваленными внутрь, обшитыми светлым деревом бортами, бронзовой отделкой иллюминаторов, панорамным, с частыми переплетами окном, выходящим на кормовой балкон, старинными лампами в кардановых подвесах кают-компания напоминала адмиральский салон на парусном фрегате прошлого века.

Однако удобная современная мебель, ковры на полу, застекленные книжные шкафы и открытые витрины с коллекционными охотничьими винтовками и гладкоствольными ружьями, молекулярные копии картин великих мастеров создавали впечатление кабинета эстета-аристократа, по-

клонника охоты и изящных искусств.

А об эпикурейских наклонностях владельцев свидетельствовала пятиярусная стойка бара, любовно и с фантазией, в предвидении тихих тропических вечеров и трудных штормовых вахт заполненная сотнями бутылок, штофов, пузырьков и флаконов, содержащих все, что на протяжении веков создавала ненасытная фантазия пьяниц и их алчных потворщиков, – коньяки светлые и темные, виски ирландские, шотландские и американские, крепкие шестидесятиградусные бенедиктины и шартрезы, всевозможные джины, экзотические водки Азии и Южной Америки, изысканные вина, гордящиеся друг перед другом звонкими, как у испанских идалго, именами и годами выдержки.

Эта стойка придавала кают-компании вид возвышенный, как орган протестантскому собору, и располагала к размышлениям, неспешным и приятным. Особенно когда нет неотложных дел.

Мы с Сашкой немало потрудились, чтобы укомплектовать коллекцию.

Слева от двери – прямоугольный обеденный стол орехового дерева, шесть тяжелых, рассчитанных на приличную качку кресел вокруг.

Я боком присел на вертящийся, привинченный к палубе табурет, бросил на соседний фуражку. Не глядя протянул руку, взял первую попавшуюся бутылку, до которой достал. Наудачу.

Поразительно, если даже это очередное совпадение.

Джин «Бифитер». Именно им мы в моем романе отмечали с Сашкой начало кругосветного плавания. (Жуткая по тем временам экзотика.)

Ну-ну...

Теперь и на этом судне с первой бутылки свернута пробка. Процесс пошел. Знать бы – куда.

Сквозь толстые стекла иллюминаторов на стойку падал унылый сероватый свет, через кормовую витрину не видно ничего, кроме тумана.

По стеклам неторопливо ползли извилистые от ветра дождевые струйки.

Вроде бы тоскливая картина, но это как посмотреть.

С точки зрения человека, промокшего и промерзшего за четыре часа на штормовом ветру, – предел мечтаний, истинный рай земной.

Сдать вахту, спуститься в каюту, переодеться в сухое – и сюда, где тепло, уютно, где можно выпить и закусить, потом погрузиться в упругость диванных подушек, раскрыть на любом месте умную книгу или предаться неторопливой, лишенной всякой актуальности беседе с понимающими тебя людьми. Вот в чем смысл кают-компаний на корабле...

Левее бара, как бы отделяя его от «культурной зоны» помещения, располагается выглядящий как старинное пианино электроорган, совмещенный с магнитофоном и синтезатором.

Универсальный инструмент, равно подходящий для настоящих профессионалов и для таких, как я, любящих музицировать, но не умеющих. Позволяет оркестровать и аранжировать любую мелодию по вкусу.

Я нашел в каталоге «Маленький цветок», хотел было послушать его в исполнении камерного скрипичного квартета, но потом решил, что некоторые вещи подвергать модернизации безнравственно.

Получится как бы измена прежним идеалам. Или – самому себе, тогдашнему...

Для меня ведь это – мелодия первой, не слишком удачной любви.

В какой уже бесчисленный раз с неизменным чувством сладкой печали я вслушивался в причудливые пассажи кларнета, понемногу отхлебывая чистый, безо льда и тоника, джин.

Я нисколько не удивился, когда за спиной у меня скрипнули еще не приработавшиеся петли двери. Подсознательно я этого ждал.

Логика сюжета (или причуда режиссера?) требовала именно такой мизансцены.

Вошел Шульгин. В новом, не обношенном еще флотском светло-синем кителе, по типу яхт-клубовских – с эмблемой «Призрака» на левом рукаве.

Отчего-то у людей нашего (теперь) круга считается дурным тоном выходить в море на собственных яхтах в штат-

ском, вот и мы изобрели и пошили себе по несколько комплектов судовой униформы, от парадной до тропической, через эволюционный ряд промежуточных разновидностей.

Уж явно мой друг появился не с улицы, заведомо ждал моего появления здесь. Или не ждал, просто занимался своими делами в каюте или в рубке.

– Ностальгируешь, братец? – как бы мельком, скорее констатируя, чем спрашивая, бросил Сашка, повертел в руках начатую мной бутылку.

– Составлю компанию... Только что за ерунда, что ты мне суешь? – Это он возмутился по поводу подвинутой ему стограммовой хрустальной стопки, что сама подвернулась мне под руку.

– Ах да, ну, извини, конечно...

Пришлось искать штормовые стаканы, грамм на триста, с литым дном толщиной в два пальца, тяжелые, как пушечные гильзы.

За льдом к холодильнику идти не хотелось, да и зябко пока здесь, отопление не включено.

Отпили, не чокаясь, по паре глотков.

Посидели молча.

– Далеко будет мне с Мадагаскара в Европу возвращаться, – сказал наконец Шульгин.

– Далековато, – согласился я. – Будто ты раньше этого не знал...

Плеснул он себе еще треть стакана.

– Прозит! – и выпил, не дожидаясь меня. Будто догоняя то, чего и догонять не стоило. Не закусив даже ломтиком консервированного ананаса, принялся тщательно разминать сигарету.

– Жаль, что все так получается, – неожиданно тяжело вздохнул он, так и не прикурив.

Я сразу понял, о чем он. Дальнейших слов не требовалось. Мне стало еще тоскливее. Все же слишком долго мы мечтали вместе побродить по далеким морям.

Всей душой отдавались процессу переоборудования яхты, рисовали интерьеры кают и прочих помещений, спорили с Воронцовым по поводу сугубо технических и эстетических проблем кораблестроения, составляли списки необходимых припасов, оружия, книг для судовой библиотеки, подбирали лоции и навигационные карты, чертили на них будущие маршруты, уточняли по справочникам Кука и Бедекера, в каком отеле следует поселяться на Маврикии и принято ли торговаться на рынках в Кохинхине...

Обучались основам навигации, обращению с парусами, муштровали и школили роботов, которых от щедрот выделил нам Воронцов на роль штурманов, матросов и «прислуги за все».

И веселее нам вдвоем было бы, и спокойнее. Во всех смыслах. Одно дело, когда путешествуют два друга со своими дамами, совсем другое – один мужик с двумя женщинами.

А насчет того, «кто же останется в лавке», тоже все давно обговорено. Если бы ситуация даже и потребовала его присутствия в России и Европе, сойти с корабля он собирался никак не раньше, чем через пару недель, а то и месяц.

Но задавать естественного в такой ситуации вопроса я не стал. По тексту пьесы идет его реплика, вот пусть и говорит.

Сделал очередной глоток, почмокал губами, оценивая вкус и букет. Ткнул пальцем в кнопку пульта управления проигрывателем. Музыка заиграла как раз та, что я хотел.

Которая тоже звучала тогда. «Серебряная гитара». Обратная сторона пластинки-сорокапятки с «Маленьким цветком».

И только после этого я спросил:

– Что-то случилось?

– Насколько я знаю – нет, – ответил Шульгин и тоже поднес к губам стакан, но, похоже, не отпил, а только намочил губы.

«Сумасшедшие, наверное, мы все, – подумал я. – Нельзя пережить то, что случилось за последние полтора или, может быть, три года, и остаться вполне нормальным. Если, конечно, не псих только я, и все это – лишь бесконечный тягостный бред... Лично мой».

– Тогда в чем дело? С такой мордой, как у тебя сейчас, не в развлекательный круиз отправляться, а присутствовать на панихиде по безвременно усопшей теще...

Шульгин улыбнулся одной, правой половиной рта, поднял

стакан.

– Давай. Помнишь, я тогда сказал: «Твое вдохновение на дне этой бутылки. Пиши. Для себя и для меня тоже, и да поможет нам бог»?

Я помнил. Тот удивительно теплый, душистый июньский вечер в кисловодской гостинице «Нарзан», что располагалась в старинном двухэтажном здании наискосок от Колоннады и прямо напротив знаменитой нарзанной галереи.

Мы тогда впервые почти случайно оказались вдвоем на этом знаменитом курорте, поселились в крошечном мансардном номере, где стоять во весь рост можно было только возле окна, а койки, словно в подводной лодке, располагались в узких полутораметровых нишах. И стоило место 70 копеек в сутки.

Сашка собирался на свидание со своей руководительницей практики, а мне идти было некуда, и с чувством одновременно зависти и некоего внутреннего превосходства я разложил на столе с облезшим и испятнанным многочисленными ожогами сигарет лаком походные письменные принадлежности, чтобы продолжить труды над романом, долженствующим не уступить изысканностью и пессимизмом крайне тогда популярной «Триумфальной арке».

Тогда Сашка и достал из тумбочки на две трети полную бутылку «Перцовки», произнеся вышеназванные слова.

– И к чему ты это?

– Может, к тому, что мы по-прежнему живем не сами по

себе, а в придуманном тобой мире...

Меня поразило, как совпали собственные мысли и Сашкины слова. Но я по-прежнему не понимал, в чем тут дело.

Еще сегодня утром все нам с ним казалось абсолютно ясным, настроение было приподнятым, заботы отступили, поскольку все необходимое давно сделано, карты выверены, припасы погружены, даны и получены последние наставления.

И вдруг...

Самое странное, что тревога, охватившая Шульгина, тут же передалась и мне, но не коснулась никого больше, хотя, казалось бы...

У Левашова, Берестина, Воронцова гораздо больше оснований тревожиться, это ведь им оставаться в России и продолжать эксперименты с мировой историей, а вот поди ж ты!

Может быть, Сашкина интуиция правильно подсказывает: остановиться, пока не поздно? А в чем проблема, не на войну же мы собрались, отдыхать, как и советовал Антон, отстраняясь от всех мирских забот.

Так я и спросил у него, решив, что незачем больше держать друг перед другом «понт», как выражались во времена нашего детства.

– Прощаюсь с последней детской мечтой, «серебристой и самой заветной», если угодно, – опять криво усмехнулся Шульгин. – Выходит так, что я с вами завтра не пойду. А когда снова вернусь сюда, будет уже не то...

– Чего вдруг так? Мы же и вправду столько мечтали... А теперь... Не вижу повода. Пояснить можешь?

– Могу. Так вдруг все сложилось. Информацию я получил интересную. Сразу по двум каналам. От Агранова из Москвы и от Кирсанова из Берлина через Харьков. Высокая интрига наклеывается, исходящая, как и предполагалось, из недр «Системы»... И понял я, что непременно мне нужно задержаться и эту интригу раскрутить.

Уже понимая, что переубедить Сашку не удастся, я все же спросил:

– Так, может, и мне задержаться? Вместе все и раскрутим, быстрее и проще. А потом и поплывем...

– Не стоит, Андрей. Ей-богу, не стоит. – Сашкины слова звучали очень искренне и убедительно. – Тем более что наш уход как раз автоматически оную интригу поддерживает. Да и вообще. Плыви... Все равно скоро встретимся, недель раньше, недель позже. А ты вдобавок гарантированно мой тыл прикроешь. За Анну я буду спокоен, и в любой момент мы с тобой свяжемся, если помощь потребуется. Ты ведь как бы вне ситуации будешь находиться...

Не знаю, в словах его, как всегда, содержалась некая истина, только...

Все это было совсем не то, чего мне хотелось. Вместо полноценного отпуска по известной формуле: «Уж если отдыхать, так от всего» снова подразумевался очередной этап тайной войны, где мне отводилась лишь легенда «отдыхающе-

го», который все время ждет, когда соответствующий сигнал вновь призовет в бой...

Это совсем разные вещи: на законном основании и без задней мысли валяться на пляже и охмурять рядом загорающих девушек или только изображать безмятежный отдых, бдительно высматривая на том же пляже злоумышленника, прячущего в плавках пистолет...

– И еще одно, – добавил после короткой паузы Сашка, – что-то мне такое вообразилось. Когда ты сказал, что можно уходить и внепространством... Если бы по-человечески, морем, тогда так-сяк. А через «канал» – ну, я не знаю. Помнишь, давно еще разговор был – каждый выход за пределы реальности сильнее и сильнее раскачивает мироздание. И в какой-то момент...

Такой разговор действительно имел место, вскоре после того, как мы с Ириной внезапно оказались в декабрьской Москве 1991 года, а не в августе 1984-го, как планировалось.

Или даже позже мы это обсуждали, после нашего с Сильвией возвращения с Валгаллы.

– Правда, опасаясь я чего-то, если угодно. Мне кажется, что лучше будет, если я завтра после торжественных проводов соскочу втихаря за борт с аквалангом, вылезу на берег и начну автономное существование прямо отсюда, а не с Мадагаскара.

– По-прежнему не понимаю. В чем смысл идеи? Ты что, воображаешь, будто парадокс возникнет именно при усло-

вии твоего присутствия на борту? А с нами ничего не делается? За нас не боишься? Или как? Мудришь ты, по-моему. Провели бы недельку-другую в море, отдохнули, развеялись на всю катушку, а потом и отъехал бы куда нужно. Самолеты летают, день-два – не проблема для твоих глобальных идей. Также и договаривались... Не делай из меня дурака, колись, в чем на самом деле дело?

Сашка вдруг вскочил из-за стола, начал ходить, засунув руки в карманы, по ковру, доходя до очередной переборки – резко разворачивался на каблуках.

Нервничает, сильно нервничает мой друг без всяких видимых причин.

Раздраженно махнув сжатой в кулак рукой, он почти закричал:

– Мне тоже крайне жаль, не прикидывайся, будто не понимаешь! Я ведь океан только с палубы «Валгаллы» и видел, да и то Атлантический. А хотелось бы взглянуть и на Индийский, Новую Гвинею увидеть, Соломоновы острова опять же...

– Соломоновы – это уже Тихий, – деликатно уточнил я.

– И Тихий тоже, натюрлих. Но... Если угодно – видение мне было. Как в последний день в Замке. Проще говоря – все та же интуиция. Не нужно больше мне, лично мне, понимаешь, забавляться всеми этими делами. Вообще не стоит. Отчетливое ощущение – добром это не кончится. И внимания к себе лишний раз привлекать не надо, возмущая мировой

континуум.

– А может, в монастырь сразу, Александр Иванович? – позволил я себе съязвить, действительно раздражаясь странным его поведением. – За святыми стеночками-то – хорошо. И греха на душу не возьмешь, и... Ну вообще как-то так спокойнее, – спародировал я его настрой и тональность.

– Да что ты! Совсем не врубаешься? – вдруг психанул Сашка. – Не могу я своей интуиции не верить. Я уйду отсюда, а все, в том числе и наши ребята, будут уверены, что мы вместе. Тогда мне проще будет инкогнито изображать. А на яхте имитатор оставлю. Я парочку сохранил еще с тех времен...

Это он вспомнил самое начало нашей истории. Тогда Антон снабдил нас электронными штучками, которые, посылая импульсы, соответствующие индивидуальным мозговым излучениям, должны были создавать у охотившихся за нами аггров впечатление, что мы находимся совсем не там, где на самом деле.

Какой-то резон в словах Шульгина был. В эффективности имитаторов я убедился совсем недавно на Валгалле. Может быть, поможет и сейчас. Если уж мы решили «выпасть» из этого мира, то лишний раз засвечиваться ни к чему.

Правда, имитаторы рассчитаны на аггрианскую технику, пределов возможностей Держателей мы не знаем, и есть ли вообще эти пределы?

Но вполне можно предположить, что ежеминутно они на-

ше местонахождение и поведение не отслеживают. Пока мы не даем к этому оснований. Например – не пользуемся аггрианской техникой, не будоражим слишком грубо пространство-время.

Об этом и Антон предупреждал.

– Ну, допустим. Не имею оснований спорить по существу, хотя есть у меня собственное мнение насчет эфира и эффективности попыток сохранить тайну, имея дело с Держателями. Кроме того, верная интуиция еще не гарантирует от ошибок в ее истолковании. И как мы потом встретимся?

– Назначим randevu. Я свои дела здесь, в Лондоне и Париже, сделаю и подскочу самолетом... ну, скажем, во Фриско. Или в Бомбей. Куда раньше успею. Там меня и подберешь. Какие проблемы? Телеграф здесь нормально работает, радио есть. Свяжемся.

– Тогда чего проще – по нуль-Т через «Валгаллу»...

– Вот этого – не надо...

И опять я понял ход Сашкиных мыслей. Даже тех, которые сам он не успел еще сформулировать до конца.

Разумеется, первый их уровень был тот самый, что он высказал сейчас вслух. Опасение, что Держатели засекут момент внепространственного перехода «Призрака» в Индийский океан, им это не понравится, и они учинят очередную пакость, макро– или микроизменение реальности, которое даже и заметить не удастся, но после которого затеянное предприятие утратит всякий смысл. Или же – обратится в

свою противоположность. В этом случае намеченные Шульгиным меры предосторожности могут оказаться полезными.

А второе – Сашка просто захотел сыграть в собственную игру, и немедленно. Слишком ему надоело существовать как бы на вторых ролях. Зная его характер, я представлял, насколько его раздражает необходимость работать в команде, где лидирует не он. И пусть все операции мы планировали совместно, и Сашка всегда сам определял свой круг прав и обязанностей, но все же...

Степень внутренней неудовлетворенности достигла критической отметки. Захотелось полной самостоятельности и независимости.

В принципе ничего страшного в этом нет.

Пусть покрутится, выпустит пар в автономном плавании по морю житейскому. Есть тут даже нечто обнадеживающее. Если сам я действительно выложился до конца и мечтаю только о покое (так раньше князья уходили в монахи, и даже государь император Александр Павлович, по слухам, преобразился в старца Федора Кузьмича), а в Сашке по-прежнему кипят силы и амбиции, так дай ему бог удачи...

Хуже другое – что, если крыша и у Шульгина начинает съезжать, только проявляется это в такой вот гипоманиакальной форме? Неукротимая активность и абсолютная убежденность в собственной правоте пополам с бредом преследования.

А впрочем, все это ерунда. «Все будет так, как должно

быть, даже если будет иначе».

– Ты, как я понимаю, все уже продумал и подготовил? – спросил я, имея в виду первый этап Сашкиной импровизации. – Стратегические-то цели нашей операции остаются прежними?

Если только Шульгин, оказавшись на свободе, не начнет перекраивать и их.

– А что тут особенно готовить? Я всегда готов, и снаряжение в полном порядке.

Еще одна интересная мысль пришла мне в голову.

– Предположим, что как раз Держателям и хочется нас разлучить? В каких-то собственных целях. Не зря же идея эта возникла у тебя буквально только что?

Впрочем, сразу же я поправил сам себя. Единственное, что утешало и обнадеживало, – по всем известным фактам и косвенным рассуждениям выходило так, что напрямую на мое и Сашкино мышление Держатели воздействовать как раз и не могли.

Отчего и изобретали всякие окольные ходы. Чтобы принудить нас к тем или иным «добровольным» поступкам.

Все-таки Антон, наверное, был прав. Если бы умел кто-то путем внушения принуждать нас к желаемым поступкам, вообще все наши приключения не имеют смысла.

Но этого я не сказал. Пусть Шульгин сам думает.

Он и ответил:

– Ну, если мы все будем через эту призму рассматри-

вать... Тогда вообще ничего предпринимать и планировать невозможно. С тем же успехом я могу сказать, что это твоими устами они говорят. Я все придумал самостоятельно и правильно, сказал тебе, а ты...

– Да уж действительно. С такой логикой далеко не уедешь...

– Или – уедешь слишком далеко, – усмехнулся Шульгин краем рта.

Я рассеянно скользил глазами по интерьеру кают-компании. Вдруг напрягся, не сразу поняв, что привлекло мое внимание. Но что-то же привлекло. Имеющее отношение к проблеме.

И тут же сообразил. Глупо в принципе, но тем не менее. Клином клином вышибают, или – абсурд на абсурд. По крайней мере, в данной ситуации можно быть уверенным, что в такой вариант Держатели не вмешаются. При всем всемогуществе кое-чего они делать не в состоянии. Например...

– Саш, ты уверен, что никто посторонний последние дни на яхте не появлялся?

– Посторонний – в каком смысле? Воронцов – посторонний?

– Нет, он, наверное, нет... Да не так это, в общем-то, важно. Книги на борт только ты возил или?..

– Как раз книги – только я. И оружие...

– Хорошо, предположим. Думаю, эксперимент будет чистым при любом исходе... – Я подошел к шкафу и с трудом

вытащил с одной из полок толстую книгу в потертом зеленом переплете с золотым тиснением на корешке. – Это ты покупал?

– Так точно. У букиниста в Екатеринославе. Там еще автограф бывшего владельца есть и дата: 1903 г., Санкт-Петербург...

– Верно, – подтвердил я, глянув на форзац. – Имеется и автограф, и дата. На титульном листе тоже все как положено. Заголовок: «Конфуций. Уроки мудрости. С.-Петербург. Издание Ф.В.Щепанского. Невский проспект, 34. 1902 год. Дозволено цензурою 5 октября 1901 г.».

Веленевая, совсем еще белая бумага, а я привык, что у дошедших до нас старых книг листы уже покрываются коричневатыми пятнами и пахнут плесенью. Главная составляющая трудов Конфуция – «Книга перемен», отличная штука для проверки самых сумасшедших гипотез.

– Вот и проверим. Доставай монетки...

Шульгин вытащил из кармана брюк три золотые десятки. По непонятной причине он терпеть не мог кошельков и с детства всегда носил мелочь в левом брючном, а бумажные деньги – в нагрудном кармане пиджака.

– Бросай. И поглядим, что выпадет.

Сашка понял мой замысел. Мы с ним давно уже пристрастились к гаданию, и почти всегда ответы «Книги» удавалось либо сразу истолковывать в правдоподобном смысле, либо убеждаться в справедливости предсказания задним числом.

А сейчас я исходил вот из чего — ну не могли, никак не могли бы даже и почти всесильные Держатели Мира предвидеть такой мой ход, я и сам-то придумал его ровно секунду назад. А уж тем более — перевернуть монетки в полете.

А раз так — и ответ «Книги» будет никем не запрограммированным, и наши приведенные в соответствие с ним поступки тоже окажутся неожиданными для всех.

Ну, как говорил крупье Смоку Белью: «Рулетка сама по себе система, и любая другая система против нее бессильна».

Сашка шестикратно бросил монеты. Я записывал сочетание орлов и решек. Выпала третья гексаграмма.

«Чжунь. Начальная трудность».

Две короткие черты.

Длинная.

Две короткие.

Две короткие.

Две короткие.

Длинная.

Я прочел комментарий вслух, медленно и отчетливо, одновременно вдумываясь в текст и чувствуя, что полегоньку хренею:

«Начальная трудность.

В изначальном развитии благоприятна стойкость.

Не надо никуда выступать.

Здесь благоприятно возводить на престол вассалов.

Вначале сильная черта.

Нерешительное кружение на месте.

Благоприятно пребывать в стойкости.

Благоприятно возводить на престол вассалов.

Слабая черта на втором месте.

В трудности, в нерешительности – колесница и кони
вспять.

Не с разбойником же быть браку!

Но девушка в стойкости не идет на помолвку.

Слабая черта на третьем месте.

Преследуя оленя без ловчего, лишь попусту войдешь в
лес.

Благородный человек примечает зачатки событий
и предпочитает оставаться дома.

Ибо выступление приведет к сожалению.

Слабая черта на четвертом месте.

Колесница и кони – вспять!

Стремясь к браку, выступишь – и будет счастье.

Ничего неблагоприятного.

Сильная черта на пятом месте.

Затруднение в твоих милостях.

В малом стойкость – к счастью.

В великом стойкость – к несчастью».

Конечно, кроме этих, так сказать, первоначальных, доста-

точно смутных по смыслу стихов, к гексаграмме прилагалось несколько десятков страниц углубленных толкований, куда более изошренных, чем комментарии моих университетских наставников к трудам Маркса, но главное было понятно.

Сашка бросал монетки, и ответ адресован явно ему, не мне. И ответ полностью совпадал с уже принятым решением.

Желающие могут подумать над этим сами или обратиться к оригиналу, к старому мудрому Конфуцию.

Повторяю – гексаграмма «Чжунь».

– М-да... – Шульгин, по-моему, тоже был слегка ошеломлен. Все-таки есть вещи, к которым нам, осознавшим себя в великолепные, рациональные и атеистические шестидесятые годы, привыкнуть почти невозможно.

Как и понять, нет, нет, не понять даже, а принять душой факт существования и функционирования компьютеров, биороботов, тех же Держателей Мира.

Ладно, Сашка психиатр, а я психолог.

Следующий ход мой.

– Пусть так. Не надо тебе никуда выступать. Возведи на престол вассала. То есть проводи меня на капитанский мостик, и мы с тобой хоть на десяток миль выйдем в море. Чтобы все было как тогда... А потом пожалуйста. Примечай зачатки событий и оставайся дома...

Кстати, где моя команда? Почему даже Ларсена нет на месте?

Шульгин вдруг улыбнулся как-то облегченно. Гадание на

него подействовало или что другое?

– Да все нормально. Запер я их и отключил. Чтобы под ногами не путались. В старом сценарии их ведь не было...

И опять Сашка прав.

Хорошие мы с ним актеры. Самая пора в театр к Станиславскому наниматься. Зерно там образа выращивать, поведение в предложенных обстоятельствах изображать, все мы умеем.

А главное – мы все-таки выйдем в море именно так, как и задумано было двадцать лет назад.

... Специального банкета по случаю нашего отплытия устраивать никто не собирался. Вроде бы не тот повод. Ну, уходят ребята в отпуск, не на войну же.

Решили так, по-товарищески посидеть вечером, поднять по бокалу-другому, обменяться мнениями. Глядишь, что-нибудь умное придет в головы на прощание, упущенное что-то вспомнится... Может, и не слишком важное на первый взгляд, но способное впоследствии принести ненужные хлопоты. И специально друзей, оказавшихся сего числа вдалеке от «Базы», тоже не приглашали, однако случайно, или влекомые пресловутой интуицией, или по иным причинам к вечеру на «Валгалле» собрались все.

И словно снова вернулось то, уже почти невообразимое, время, когда мы были молоды по-настоящему, не физически, а психологически, наивны, полны слегка глуповатого по

нынешним меркам энтузиазма.

Будто прошло с тех пор не два с небольшим года, а десятилетия.

Печально сознавать, но мы уже стали отвыкать друг от друга, а может быть, инстинктивно старались держаться подальше. У всех будто бы и незаметно, а на самом деле вполне закономерно начала образовываться своя, отдельная от прочих жизнь.

Я сознавал неизбежность этого процесса, иногда даже удивлялся, что слишком он затянулся, но все равно видеть, как старая жизнь кончается безвозвратно, было грустно.

Но зато сейчас все на краткий миг стало почти как прежде.

Даже Сильвия решила почтить нас своим присутствием.

Явилась восхищенным мужским взглядам прямо из Парижа к пиршественному столу, непосредственно с очередного светского раута, до которых она была большая охотница. Облаченная в потрясный туалет из коллекции «Осень 1921 работы какого-нибудь сверхмодного кутюрье.

Шелестящее, струящееся, переливающееся произведение портняжного искусства с широченной юбкой (кажется, эта конструкция называется «солнце»), затянутым, как корсет, лифом и обширным декольте. Похоже, это платье, лишенное видимых застежек, дошивали прямо на ней. И, чтобы не терять время на переодевание и дорогу, леди Спенсер, вопреки договоренности, прибыла к нам внепространствен-

ным путем.

После нескольких тревожных моментов, вроде нашего с Ириной попадания в 1991 год, искажения синхронности между точками входа и выхода, мы решили прибегать к этому способу перемещений лишь в самом крайнем случае. Очевидно, Сильвия решила, что желание щегольнуть новым нарядом может быть признано таковым.

— Мы счастливы вас видеть, леди Си, — приложил правую руку к сердцу Воронцов, — тем более что как раз у нас возник спор. Насколько успешно воздействуют на европейское общество модернизационные импульсы с Востока...

Здесь Дмитрий не слишком и шутил. Уже целый год Западная Европа подвергалась своеобразной культурно-психологической агрессии со стороны Югославии, в которой вдруг появилась масса военно-технических и чисто бытовых новинок, совершенно неожиданных, но эффективных, удобных и практичных.

И если у специалистов многое вызывало недоумение, каким образом столь прорывные технологии, на десятилетия опережающие общемировой уровень, появились в достаточно отсталой и разоренной семилетней войной стране, широкая публика принимала их не задумываясь.

Последние полвека стремительного прогресса во всех областях знаний отучили обычных людей удивляться.

Ну не было вчера кинематографа, автомобилей, аэропланов, телефонов, электричества, радиосвязи, граммофонов и

патефонов – а со вчерашнего месяца десятого дня они есть, даже в цирке показывали. Носили женщины до самой мировой войны корсеты и ездили верхом только в дамских седлах – и вдруг перестали...

Чего же теперь удивляться тому, что русские самолеты стали летать еще на двести километров в час быстрее и на три километра выше, а неизвестные русские же портной и галантерейщик вдруг ввели в обращение короткие юбки, прозрачные безразмерные чулки и женские брюки. И не такое бывало...

Но были на Западе аналитики, пожалуй, не глупее своих потомков конца века, разве что не владеющие соответствующими приемами вроде мозгового штурма и контент-анализа, которые не один уже месяц трудились над систематизацией фактов, изучением и обобщением разведданных и просто витающей в воздухе информации в надежде понять суть и смысл происходящих процессов.

... Как раз их деятельность интересовала сейчас нас с Шульгиным больше всего. Мы не сомневались, что рано или поздно какая-то (не обязательно верная) концепция происходящего будет выработана, скорее всего – в недрах «Системы», которая была самым здесь опасным для нас врагом, и готовились к моменту, когда это произойдет.

И очень рассчитывали в предстоящей борьбе на Сильвию, поднаторевшую за минувшую сотню лет в «стратегии не прямых действий» аггрианского резидента.

... Мы ели, выпивали понемногу, много шутили, а кое о чем говорили и всерьез, но так, без нажима.

К слову, я спросил Левашова, не собирается ли он порадовать народ новым изобретением, чем-то столь же потрясающим, как установка совмещения пространства-времени или дубликатор.

Спросил совершенно искренне, поскольку знал Олега целую вечность и не помнил момента, чтобы тот не возился с железками, расчетами и чертежами, и всегда у него получалось нечто необыкновенное: от портативного магнитофона собственной конструкции в десятом классе школы и до пресловутого аппарата «СПВ».

– Да нет, не получается как-то. Одно дело, что времени нет, а вообще – нечего больше изобретать. Того, что уже есть, этой реальности еще сто лет не переварить, а самому даже и неинтересно. Положение примерно такое, о чем фантасты когда еще предупреждали...

– Конкретнее, – заинтересовался разговором и Воронцов. Он не так был начитан в фантастике, как прочие, но на охватившее Левашова безразличие к техническому творчеству внимание тоже обратил, и давно.

Еще с дней работы на достройке «Валгаллы» его тогда поразило почти неприкрытое безразличие, которое Олег проявил к интереснейшим чисто техническим проблемам.

Единственное, в чем он напоследок блеснул былой гениальностью, – это способ, которым он обошел наложенное

Антоном на биороботов «заклятие» – запрет действовать автономно за пределами корабля.

Дмитрий тогда решил, что причина в Ларисе, в охватившей Олега на четвертом десятке страсти к этой эффектной, но взбалмошной и неуправляемой девице. Такое бывает, мужики и покруче Левашова ставили ради бабы на кон и карьеру, и честь, а то и жизнь.

– А чего тут... Думали мы, думали, старались, а тут пришли какие-то, перед кем мы не первоклашки даже, а так... Все они знают, все умеют, а нам, хоть из штанов выпрыгивай, и через тысячу лет их не догнать. Даже и пытаться не стоит...

– Ну, это ты зря. Нам как раз ничего. Переварили спокойно все их чудеса, не поморщились. Даже наоборот.

Олег засмеялся, по-прежнему невесело.

– Ну, чего или ничего, это пока рано судить. А вот что лично мне неинтересно стало с тех пор, как увидел Замок, Антоновы и Иринины штучки, – медицинский факт. Это как радиолобительство. Мы отчего им раньше увлекались – оттого, что в отечественные приемники даже диапазонов 13-16-19 не ставили, а из магнитофонов, кроме двухпудового «Гинтараса» или «Кометы» с одной скоростью, купить ничего нельзя было, да и на них деньги два года копить... А если бы в каждом магазине, как на Западе, сто моделей на любой вкус, да за копейки, на кой нужно ночи напролет с паяльником сидеть... Мне теперь политикой интереснее заниматься...

Тут Левашов не кривил душой. Неожиданно для себя по принципу компенсации или под влиянием Ларисы он с головой погрузился в большую политику. Сначала ему хотелось доказать мне и прочим антибольшевистски настроенным личностям, что построение социализма с человеческим лицом все же возможно, стоит лишь устранить чересчур вопиющие перегибы, допущенные Сталиным, Троцким, да и Лениным кое в чем, и идея таки себя оправдает.

Отчего и согласился попробовать свои силы в качестве спецэmissара Югославии при советском правительстве, точнее – лично при Троцком.

Роль эта неожиданно его увлекла, и, хотя прежние коммунистические иллюзии улетучивались на глазах, он остался твердым приверженцем идеи своеобразной конвергенции, сосуществования и положительного взаимовлияния либерально-буржуазной полумонархии Врангеля и нэповской диктатуры пролетариата Троцкого.

– Сейчас, кстати, в Москве происходят интереснейшие процессы. Я в них до конца не разобрался, но, похоже, Лев Давыдович отнюдь не избавился от мыслей активизировать «мировую революцию». После кончины Ильича идея построения социализма в отдельно взятой стране если и не отрицается впрямую, то за генеральную никак не признается. Есть сведения, что ведется работа по подготовке коммунистического восстания в Германии...

– Как прошлый раз в 1923 году? – удивился я. Последнее

время, полностью погрузившись в переоборудование и предположительную подготовку «Призрака», я почти перестал вникать в тонкости тайной дипломатии, тем более – советской.

– Именно, – кивнул Левашов, – только знаешь, что самое странное? Такое впечатление, словно и сам Троцкий, и его коминтерновцы тоже знают будущую историю. И учитывают уроки прежнего поражения.

... Перед десертом, когда общий разговор закончился и разбился по преимуществу на диалоги, мы с Берестиным вышли покурить на крытую галерею между шлюпочной и солнечной палубами, куда выходили двери Кипарисового салона.

Попыхивая своей очередной данхилловской трубкой, которые он с недавних пор увлеченно коллекционировал, пользуясь невиданным расцветом трубочного дела в здешнюю эпоху, Алексей как бы между прочим предложил заглянуть к нему, посмотреть недавно переоборудованный ситуационный кабинет. Благо идти туда было совсем близко – два марша трапа и десять шагов по коридору.

Раньше я часто там бывал, но последние месяцы как-то не приходилось, хватало других забот: переоборудование яхты и ее снаряжение, кое-какие дела в Турции и Европе, да и вообще...

Представлявший собой всего полгода назад нечто среднее между залом игровых автоматов и военно-историческим ар-

хивом, нынешний «кабинет» занимал уже три обширных помещения, заставленных вдоль стен всевозможным электронным оборудованием, и более всего походил на центр управления космическими полетами в миниатюре.

Прежде всего – обилием компьютерных мониторов и огромной, три на четыре метра, картой, правда не мира, а Европы, на торцовой стене первого зала. Великолепная карта, много лучше той, что была здесь установлена раньше. Детализовка, цветовая гамма просто потрясающие. Как на картинах гиперреалистов. Примерно в этом смысле я и выразился.

Я знал, что прежняя аппаратура позволяла моделировать на планшетах и картах ход любых военных операций мировой истории, сколь угодно раз переигрывать минувшие сражения за любую из сторон.

При подготовке Каховского сражения эта техника дала Берестину возможность выиграть его с минимальными потерями и потрясающим пропагандистским эффектом. А в результате и всю Гражданскую войну.

– Что карта, карта – просто жидкокристаллическая картинка. Дело в другом, – сказал он, обводя рукой свои владения. – Теперь у меня не старое железо фирмы «Макинтош», а настоящая машина. Двадцать квантовых процессоров, и у каждого оперативка 612, память 7 гигабайт, драйверы с ускорителями, а главное, она использует не только классические нули и единицы, а и любые промежуточные значения.

То есть можно обрабатывать задачи с множеством неопределенных ответов. Плюс Сильвия одолжила мне кое-что из своих приборов, в том числе и так называемый «шар»...

– Не утруждайся, не мечи бисера, мне это совершенно ничего не говорит, для меня компьютер не более чем пишущая машинка с памятью и Ленинская библиотека размером с чемодан... (Это я к случаю припомнил цитату из пресловутого романа «Гриада».) Давай сразу к сути. Хотя «шар» – это круто. Неясно только, он-то здесь при чем?

Алексей посмотрел на меня с легким сожалением.

– Азия-с... Ну, выражаясь доступным тебе языком... – Он замялся, подбирая слова.

Вот технократы на мою голову. Ладно Левашов, тот от природы технический гений, нам в его делах с детства ловить было нечего, а теперь еще и Алексей, свой брат, гуманитарий, в мою неграмотность меня же носом тычет.

Впрочем, я не совсем прав, гуманитарием он является лишь в одной, и теперь уже не самой главной для него ипостаси. Живопись он забросил почти окончательно. Да и была она для него, как теперь выяснилось, лишь своеобразной формой эскапизма, уходом в вымышленный мир из реально-го, где Берестин не имел шансов на реализацию своего главного предназначения. Теперь же он вековую мечту исполнил – стал одним из крупнейших полководцев сразу двух реальностей.

А его компьютеризированный «ситуационный кабинет»

– обыкновенный рабочий инструмент, как набор карт для стратега иных времен. И владеть он им, естественно, должен в совершенстве.

– Ну, в общем, теперь это все сразу: «виртуальный Генштаб», Главное разведывательное управление, Госплан и Дельфийский оракул в одном лице. С помощью Олега и Сильвии я загнал ему в память абсолютно всю информацию военной и военно-политической направленности, наличествующую в библиотеках, архивах и музеях Европы, Азии и обеих Америк. Учебники, монографии, отчеты, приказы и прочее. Плюс досье на каждого заслуживающего внимания генерала и даже полковника, их собственные мемуары и все, что о них писано друзьями и врагами.

Кроме того, в режиме реального времени сюда поступает вся текущая, фиксированная на бумаге и иных материальных носителях информация соответствующего рода из военных министерств, штабов, разведорганов большинства цивилизованных стран. Я ее, конечно, контролировать не в состоянии, но она поступает туда, внутрь, – он ткнул пальцем в сторону одного из шкафов, – переваривается и при необходимости используется...

Это я понял.

– То есть, грубо говоря, в любую секунду ты можешь получить не просто оперативную информацию о планах вероятного противника, но постоянно и непрерывно отслеживать перемещение воинских частей, прогнозировать развитие со-

бытий на ТВД² и...

– И так же постоянно получать рекомендации по оптимальным мерам противодействия. В масштабе от фронтов до взводов.

Зная Берестина, я догадывался, что к любым рекомендациям, даже и такой сверхумной машины, он отнесется вполне критически и в случае чего примет собственное решение, но все равно... Понятно теперь, и для чего потребовался «шар» Сильвии. От Ирины я знал, что этот аггрианский прибор, имеющий массу функций, предназначен в том числе для считывания любой фиксированной информации, где бы она ни хранилась.

– Здорово, – повторил я из вежливости. – Значит, теперь для тебя нет в мире тайн, и любой агрессор может быть разгромлен превентивным ударом, а также и в любой желаемый момент после начала агрессии. Малой кровью и на чужой территории. Нам бы с тобой в сорок первом году такая штука сугубо бы пригодилась. Глядишь, и прорыв фронта под Смоленском сумели бы парировать вовремя...

– Да уж... – поджал губы Алексей.

Пожалуй, мое замечание было неуместным. Хоть и здорово мы с ним тогда повоевали, я из Кремля, а он непосредственно на передовой, а все же то, что ему так и не удалось удержать немцев на старой границе, он считал своей крупной неудачей.

² Театр военных действий.

Тем более что Антон слишком не вовремя нас из сорок первого года выдернул, и мы так и не узнали, чем закончилась осенняя кампания.

Впрочем, кое-какие плюсы есть и в таком незнании. Если вдруг Марков без Берестина сделал то, чего не сумел сделать Алексей, удар по самолюбию был бы тяжелее...

– Однако ты ведь не только для того, чтобы похвастаться, меня сюда пригласил? Еще что-то?

– Разумеется... – По лицу его вдруг скользнула тень некоего смущения.

– При всем своем совершенстве надежд моих машина пока не оправдывает. Если ее использовать как всеобъемлющий справочник – это да. И некоторые локальные задачи решает вполне успешно, например – спрогнозировать действия английского флота при попытке взять реванш за недавнее поражение. Кстати, тут у меня есть интересные данные, тебя напрямую касаются, – заметил он будто невзначай и снова перешел к главному для себя: – А вот если задать ей разработку оптимальной военной доктрины Югороссии или хода войны с наиболее вероятным на сей момент противником, тут начинается такое... Ну полный бред.

Я как-то сразу сообразил, что произошло. Даже и расхохотался, что выглядело несколько бестактно.

– Всю историческую информацию заложил, говоришь? За какой период?

– Я же сказал. Почти за двести лет. Начиная с наполео-

новских войн... Чтобы тенденции в развитии военного искусства отслеживать, аналогии находить... И до момента нашего ухода. Когда ты в Замке библиотеки в компьютер перегружал...

– Молодец. Все ты правильно сделал, кроме одного. И в результате вместо «Генштаба» получил больничную палату, набитую генералами-шизофрениками...

Алексей все еще не понимал. Пришлось объяснять.

Базовая информация машины была изначально огромна, пожалуй что исчерпывающая, и все время в оперативную память поступает свежая, текущая. Только вот одну тонкость Берестин с Левашовым упустили, просто не догадались предварительно подумать в нужном направлении. Все, что составляет основу ее «военно-исторического образования», позаимствовано из прошлой реальности...

Но реальность ведь изменилась, и машина столкнулась с неразрешимым даже для ее «интеллекта» противоречием. Многие исторические факты теперь не соответствуют тем, что происходили прошлый раз.

В разведдонесениях то и дело встречаются ссылки на события и сражения, не происходившие в действительности, речь нередко идет об армиях несуществующих стран, а в существующих ключевые посты занимают какие-то другие люди. Ну и так далее.

При этом машина, по определению, принимает любую получаемую информацию за достоверную. Соответственно, ей

необходимо либо искать причину несовпадений теории и практики, меняя всю философию причинно-следственных связей, либо начать игнорировать все, что в исходную теорию не укладывается.

Так ведь и еще хуже того. Мои друзья, не подумавши, сделали в своей программе совершенно равноправными и равнозначными всю советскую, на 70 процентов идеологизированную историческую науку и достаточно свободные взгляды немецких, англо-американских, японских и прочих историков.

Точно так же бедная машина должна была совмещать в себе, как в единой личности, позиции и теоретические воззрения Жукова, Тухачевского, Свечина, Троцкого, Манштейна, Кейтеля, Эйзенхауэра, де Голля, Ямамото, Пилсудского и Маннергейма.

И это только так, навскидку. Возможно представить, чтобы эти ребята пришли к единому мнению по поводу какой угодно военной операции XX века?

Умный человек смог бы в этом парадоксе разобраться, а машина, кажется, начала вести себя по принципу «если факты не соответствуют теории, то тем хуже для фактов». Просто исходя из того, что базовая информация для нее заведомо приоритетнее вновь поступающей.

Все это я Алексею популярно и изложил. Пусть с точки зрения человеческого психолога, а не специалиста по компьютерной логике.

– Вообрази себя в ее положении. Ты на фронте разворачиваешь карту Белоруссии, а видишь какую-нибудь Гондвану. Начальник разведотдела докладывает тебе о количестве у неприятеля боевых слонов и реактивных истребителей, а пленный сообщает, что 2-й танковой группой командует не Клейст, как ты был уверен, а Субудай-Багатур. И тут же по прямому проводу Ставка требует к утру доложить о возможности стремительным обходным маневром взять Теночтитлан... Я слегка утрирую, конечно, но суть такова...

Берестин невольно улыбнулся нарисованной мною картинке. Действительно, для выпускника академии имени Фрунзе довольно диким было бы увидеть в экзаменационном билете вопрос: «Сделать разбор совместной наступательной операции врангелевско-кемалистских войск по захвату Стамбула в мае 1921 года у англо-греческих агрессоров».

Или – «Роль Предсовнаркома РСФСР тов. Троцкого в обеспечении почетных условий советско-белогвардейского Харьковского договора в 1920 году».

Особенно если бы экзамен происходил годах этак в 1938 – 1953-м.

По этому поводу мы с ним по-солдатски, под сигаретку выпили, вновь испытывая забытое уже чувство воинского братства, обретенное на Отечественной войне, и он меня спросил, как же из этого вполне дурацкого положения выйти.

Не хотелось бы акцентировать внимание на интересном

момента, но...

Чем дальше, тем больше мои друзья становятся самостоятельными и самодостаточными. А вдруг припрет нештатная ситуация, и «выручай, Андрей, подскажи что-нибудь умное».

Нет, я не в обиде. По той же самой причине. Карма у меня такая и профессия. В упорядоченном советском мире поддерживать в друзьях нонконформистски-фантастический тонус, а в мире абсурдной фантастики выступать хранителем реальности.

– Так, а делать что? Подсказать можешь?

– Вот не ценил ты, Леша, замполитов и комиссаров в армии, а зря. Они, может, и не всегда представлялись ангелами небесными, однако в самые безысходные времена подсказывали своим командирам и военспецам, как использовать бесспорные военные знания в далеко не бесспорной ситуации. Поскольку владели какой-никакой, но всеобъемлющей теорией.

Усмехнулся, сделал привычный округлый жест рукой с зажатой в ней трубкой.

– Я товарищам Сталиным поработал, и нэ такие проблемы рэшал... И твою проблему рэшу, думаешь, нэт?

– Ну реши, реши, для того и позвал...

– Сейчас не сделаю. Хоть пару часов нужно, чтобы все расписать. А завтра утром алгоритм представлю. Только программу писать снова Олега позовешь. Я ведь только так,

«наиболее общие законы развития природы и общества» знаю... Поэтому все в произвольно-литературной форме изложу, а уж по науке оформлять ему придется...

Берестин (каким же он разным умеет быть, впрочем, как и все мы) улыбнулся облегченно-простодушно, приобнял меня за плечо.

– Да конечно, конечно, для чего я тебя и позвал. Лучше тебя никто именно общих проблем и не решит... Пойдем, а то дамочки наши скоро нас разыскивать кинутся.

Я не возражал, но были у меня и свои интересы. Для которых Алексеева машина вполне подходила.

– А не посмотришь ли ты, в рамках вполне локальной задачи, что может нам грозить при попытке прорыва на «Призраке» через Эгейское море и архипелаг к Суэцу или к Гибралтару.

Результат моделирования ситуации меня полностью устроил. Именно этим путем я и пойду, убивая таким нестандартным образом от двух до четырех зайцев. Как повезет. Только нужно теперь еще и с Воронцовым мероприятие согласовать.

Как оказалось, британский флот давно уже имел поступивший свыше приказ отслеживать и при первой же возможности захватить и интернировать не только пароход «Валгалла», к которому у гордых британцев были давние счеты, но и яхту «Камелот», каковая в настоящее время, по почти достоверным данным, принадлежит человеку, выдающему се-

бя за американского подданного Ньюмена, но таковым не являющемуся. Этот же Ньюмен, как сообщает разведка, скорее всего аналогичен генералу Новикову, играющему непонятную роль при Ставке Врангеля и ведущему деятельность, крайне вредную для Антанты (или – «Системы»?).

Тут ничего нового не было. Для «Системы» мы стали вредны и опасны на вторую неделю появления в Крыму. Весь интерес в том, что, не сумев ничего толком узнать о нас как таковых, вражеские агенты сумели отследить связь между «Валгаллой», приобретением Сильвией королевской яхты, неким сэром Ньюменом, генералом Новиковым, то есть мною, не менее, а то и более опасным генералом Шульгиным и супербогатой тайной организацией, бросившей вызов всему цивилизованному миру, а значит, и «Системе».

– Значит? – спросил я Алексея.

– Значит, вам не стоит идти сейчас в море в одиночку.

– А как? – осведомился я.

– Воронцов может вывести вас в Средиземное под прикрытием линкоров, а если что – это будет великолепный повод замочить весь Гранд Флит раз и навсегда. Ракет «Москит» у нас хватит. Два-три залпа плюс воздействие авиации – и не надо никакого Пирл-Харбора...

Идея сама по себе стоящая.

Проще всего пойти по предложенному Берестиным пути. Можно без потерь, с минимальными усилиями размолотить вообще полмира, не только какой-то там десяток линкоров

и крейсеров с несколькими тысячами моряков на борту. Отчего бы и «заклятым друзьям» не испытать прелести новой Цусимы?

А что потом? Пробовали уже, разоружили Германию в 1918-м по Версальскому договору, и чем закончилось через 20 лет? А где уж нам, впятером, ну, всемером фактически, воевать против всего мира? Мы-то в любом случае отобьемся и даже в 90 процентах случаев останемся в живых, а остальные?

Спалить еще 30 миллионов человек для того, чтобы не допустить Второй мировой и сопутствующих ей войн, в которых погибнет почти столько же?

Да пошла бы она... такая политика. В общем, для того, чтобы избавить себя от подобных проблем, я и решил немного отдохнуть.

ГЛАВА 2

Шульгин проводил Анну до каюты, расположенной на верхней палубе надстройки в районе мидельшпангоута, где в шторм меньше всего чувствуется качка. Поднялся по узкому внутреннему трапу двумя палубами выше, без стука вошел в ничем от других не отличающуюся дверь на стыке продольного и поперечного коридоров. И оказался в небольшом уютном баре с тремя далеко отстоящими друг от друга столиками и полукруглыми кожаными диванами по углам. Иллюминаторов, как и во многих других внутренних помещениях парохода, в баре не было. Круглые сутки он освещались бронзовыми бра на стенах, с матовыми лампочками, похожими на свечи, но от этого помещение казалось еще более уютным. Защищенным от внешнего мира многочисленными переборками и палубами.

Здесь его уже ждала Сильвия, томно скучающая над чашечкой кофе, с длинной дымящейся сигаретой, зажатой между указательным и средним пальцами левой руки.

Напротив нее стояла еще одна чашка и налитая до половины коньячная рюмка. Явно для Шульгина.

«Романтично. Как все у нас – чертовски романтично», – подумал Сашка. Сел на предназначенное ему место и тоже закурил.

Итак?

– Прежде всего ответь – с тобой за последнее время не происходило ничего необычного? – спросила агтрианка, страхивая длинный, в полсигареты, столбик пепла.

– Что считать необычным? Лучше спросить – не случилось ли чего-то простого, обычного, незатейливого, вроде заседания профкома или субботнего похода на овощную базу для оказания шефской помощи труженикам прилавка...

– К сожалению, в подобных мероприятиях мне участвовать не приходилось. Допускаю, что это на самом деле способно вызывать ностальгию. Но я сейчас не шучу, а спрашиваю серьезно – за то время, что мы не виделись с тобой, ты не заметил ничего особенного? Лично с тобой. Такого, что выглядит необычным по отношению к теперешней вполне обычной жизни.

Шульгин честно задумался. Что именно интересует Сильвию?

– Нет. Уверен, что нет. Только рутинная работа. Консультировал Кирсанова по вопросам организации работы контрразведки, встречался с нужными людьми в Харькове и Стамбуле, помогал Андрею готовить к плаванию яхту. Абсолютно ничего экстраординарного – никаких покушений, раскрытых заговоров, путешествий в астрал... Ровно ничего.

Ему показалось, что Сильвия успокоена и одновременно разочарована его ответом.

Выходит, что-то наверняка случилось, только до него информация пока не дошла. А это плохо. Шульгин лъстил се-

бя надеждой, что созданная им агентурная сеть, в которой нашлось место и для сотрудников советского ГПУ вместе с его начальником Аграновым, и для людей из врангелевского окружения, и для совсем вроде бы неожиданных персонажей, позволяет надежно контролировать положение в обеих Россиях и далеко за их пределами.

– Я вообще не такого рода явления имела в виду. Впрочем, последнее... Контакты с потусторонними силами, если они вдруг имели место, меня интересуют...

Шульгин решил, что угадал, к чему она ведет.

– Скажи уж конкретно – Антон тебя интересуется. Так нет, с ним мы не встречались. Ни лично, ни сверхчувственно. Давненько уже. С прошлого года, если по-здешнему считать. – И тут же по выражению глаз аггрианки понял, что не попал.

Однако она сделала вид, будто как раз об Антоне и хотела спросить, и это Сашку еще более насторожило.

– Ну, не виделись, и слава богу. Просто я подумала, что до вашего отплытия он может попытаться вступить с тобой или с Андреем в контакт. Сам или... через посредников. Если что-то подобное случится еще, ты мне скажи.

– Отчего бы вдруг ему это делать? Наша прогулка ни одно из условий договора не нарушает...

– Как сказать. Любой нестандартный поступок может нарушить условия договора, которого ты не читал и не подписывал...

В этих словах был резон. Шульгин даже удивился, на-

сколько слова Сильвии совпали с тем, о чем он говорил с Андреем в кают-компании «Призрака». Поэтому согласился он с ней без внутреннего протеста.

– Обязательно. Если ты считаешь, что так будет лучше... А отчего бы взять и не сказать мне все прямо? Вроде не чужие люди, и парень я понятливый, если заранее буду знать, чего ты опасаться, только лучше будет. Нам обоим...

Сильвия щелкнула языком, непонятно что выразив этим звуком, встала и, совсем чуть-чуть утрированно покачивая бедрами, обтянутыми шерстяной юбкой цвета индиго, подошла к стойке, сама налила себе розового джина в высокий стакан, в известной пропорции добавила настоящего индийского тоника из коры хинного дерева.

«В какую игру она сейчас намеревается сыграть?» – подумал Шульгин. С ней всегда так: и когда она считалась врагом, и когда теперь считается другом. Карты розданы, игра пошла, а какая именно, какие в ней правила и какие ставки – до поры неизвестно.

Оно, может быть, и увлекательно, но опасно.

Шульгин вдруг вспомнил, какова эта дама в постели. Воспоминание было волнующим и приятным. Правда, с тех пор у него появилась Анна, вторая законная и первая любимая жена, тоже любящая и беззаветно преданная, он пока не собирался ей изменять, но все же, все же...

Его по-прежнему возбуждали «отвязанные», слегка порочные женщины, вроде той же Ларисы. Они настолько же

интереснее добродетельных, как бараний шашлык со жгучей абхазской аджикой – сдобных отечественных пирогов.

На это скорее всего и расчет очаровательной инопланетянки.

– Стоило ли утруждаться? Я с удовольствием бы сам это сделал для тебя, – спросил Сашка, когда Сильвия вернулась к столику.

– Зачем же? Дольше было бы объяснять, чего и сколько наливать. Так продолжим? Единственно, почему я веду уклончивый, на твой взгляд, разговор, – не хочу накликать на всех вас очередную беду.

– Даже так?

– Так. Мои смутные подозрения и опасения, будучи произнесены и названы, могут сами по себе оказать нежелательное воздействие на ход событий.

Шульгин решил пока не вдаваться в детали. Все равно она не скажет более того, что сообщить намеревалась. Но ведь не только для этого она назначила ему встречу, более похожую на интимное свидание. Не желает ли она все же именно этого, а прочее – не более чем мотивированная прелюдия?

– Вы уходите уже на этой неделе, – не спрашивая, а констатируя, сказала Сильвия, сделав два крошечных глотка.

– Мы собираемся уходить на этой неделе, – осторожно ответил Шульгин, – не позднее субботы.

– Я бы советовала вам быть крайне осторожными. Англичане и их союзники хорошо осведомлены о ваших планах.

Разведка ли у них так здорово работает или наши слишком беспечны насчет конфиденциальной информации, но все, кому нужно, знают и название яхты, и все ее характеристики, и даже твои с Новиковым псевдонимы. Уже отданы соответствующие распоряжения – как только яхта «Камелот» окажется в международных водах, найти способ задержать ее, хотя бы и в Порт-Саиде, или в Адене, или в окрестностях Мальты, или у Гибралтара. После чего тщательно разобраться, что собой представляют «господин Ньюмен» и его спутники. А счета у них к вам очень и очень солидные. Не хотела бы я оказаться на вашем месте.

– Что, хуже будет, чем в руках аггрианского спецназа? – с насмешкой спросил Шульгин, вспоминая свои приключения в теле наркома Шестакова и особенно – безымянного нищего на ассирийском базаре.

– Не знаю, хуже или лучше, – ответила Сильвия, нисколько не смущенная намеком на собственные прошлые злодеяния, – но удастся ли вам выпутаться из ситуации также легко и быстро – большой вопрос. Не так уж трудно будет доказать и ваше самозванство, и участие в целом букете противозаконных действий. Нет, – тут же поправилась она, – вы, конечно, сумеете в случае чего дать должный отпор, и, как всегда, выглядеть это будет эффектно, только вот приятной прогулки скорее всего не получится, увы.

– Ах, как я тронут твоим сочувствием, – Сашка даже приложил руку к сердцу. – Но отчего опять все так выстраива-

ется? Сначала ты даришь Андрею яхту и усиленно выталкиваешь его за пределы евроазиатского ТВД, а потом вдруг общаешь такое вот... Интересно как-то получается. Ты что, не предвидела подобных демаршей заранее? Или возможностей не хватило прекратить эти поползновения на уровне первых лордов Адмиралтейства, придумать нечто крайне убедительное в нашу поддержку? Или же опять ленинский принцип в действии – «Чем хуже, тем лучше»?

– Знаешь, Александр, ты, кажется, переоцениваешь мои возможности. Я ведь уже не та, кем была до вашего вмешательства. Не могущественный резидент, повелевающий половиной земного шара и десятками преданных агентов – исполнителей моей воли. Увы. Теперь я почти простая женщина, в некотором смысле – тоже самозванка, двойник собственной личности в это же время и в этом же месте. У меня есть знания, есть прошлые связи... – Она сделала паузу и произнесла, как показалось Шульгину, с некоторым усилием: – Есть вы, теперешние союзники и друзья, но...

Против многого в этом мире я теперь почти бессильна. Да вот тебе самый простой пример – я просто не помню очень многого – с кем встречалась, с кем и о чем разговаривала 60 лет назад. И мне приходится по крупицам восстанавливать факты и подробности интриг полувековой давности, при том, что для моих партнеров все происходило в буквальном смысле вчера или на днях. И как я буду выглядеть, если, разговаривая с Черчиллем или Ллойд-Джорджем, стану

проводить совершенно другую линию, чем накануне?..

– Подожди, Сильвия, подожди. У меня снова голова немного кругом идет. Как это получается? Твой аналог исчез из Лондона почти год назад, как только наше вмешательство в данную реальность стало практически ощутимым. История пошла по другой колее, соответственно – изменились поведение, намерения и мотивации поступков всех твоих прежних приятелей и клиентов. Почему же их должны удивлять твои новые убеждения и принципы? Тут что-то не рядом...

Сильвия улыбнулась снисходительно. Наивность Шульгина и его друзей подчас умиляла.

Англия 20-х годов – это все же отнюдь не СССР 80-х.

Сословные предрассудки, классовые и групповые интересы – вещи куда более постоянные и важные, чем незначительные изменения в европейской политике. И вдобавок она сама не до конца представляла, как теперь соотносятся столь недавно начавшие расходиться реальности. Тот факт, что ее аналог, Сильвия-1, достаточно долгое время продолжала существовать уже в этом мире, настораживал. Да и не до конца ясно, ушла ли она отсюда окончательно или продолжает существовать в каких-то лакунах прошлой реальности, сохранившихся в этой.

Ее также интересовало, какие последствия будет иметь отправленное ею письмо в 1938 год, в котором она предупредила тамошнюю Сильвию о том, что часть личности Шульгина осталась в наркоме Шестакове. Тут просматривалась

возможность возникновения уже третьей логической связи, в результате того, что Шульгину-нынешнему станет известно то, что совершил его двойник, управляющий действиями наркома.

Никакая теория не предусматривала возникновения устойчивых связей между будущим и прошлым и вдобавок – поперек параллельных реальностей. Тут может образоваться такая межвременная паутина с непостижимым уровнем связностей, что все предыдущее покажется арифметикой начальной школы по сравнению с квантовой физикой...

Но ответила она, конечно, совершенно иначе. В том смысле, что в изменившихся условиях ей необходимо сначала самой понять, кто и на каких позициях стоит, какие тайные союзы возникают и какие ранее незыблемые комплоты рассыпаются.

Люди, к примеру, входившие в прогерманскую партию, другую, ориентированную на сохранение Антанты, третью, поддерживавшую Советскую Россию Ленина, сейчас вынуждены лихорадочно выстраивать принципиально новые политические конструкции. И она, леди Спенсер, сейчас тоже в затруднении...

– Мне это несколько странно слышать, – ответил Шульгин. – Что, в сущности, изменилось? Если даже мы, люди в принципе далекие от какой угодно политики, не имевшие совершенно никакого опыта в делах, которыми нам пришлось заниматься, и то достигли ощутимых успехов. – Здесь он

слегка виновато улыбнулся, намекая на одержанные победы, в том числе и над самой Сильвией вместе с возглавляемой ею аггрианской резидентурой. – А для тебя разве что-нибудь изменилось? Работай так, как работала прошлый раз в своей же Англии. Тогда ведь тебе удалось направить Антанту в нужном направлении, ну, разверни политику еще градусов на 40 – 60, теперь уже в желаемом для нас...

– Если бы все было так просто. Слишком изменился мир. Вашими же стараниями. Простой раз мы именно потому и добивались успехов, потому что подталкивали руководящие круги Антанты в естественном для них направлении. Наша политика соответствовала коренным интересам подавляющего большинства британского истеблишмента, можно даже сказать – тенденциям мировой истории в целом. И мировая война, и события первых послевоенных лет объективно содействовали росту экономического и политического могущества Англии, Франции, США, их союзников. Теперь же все наоборот. Ты требуешь разворота не на 60, а на 180 градусов. А это совсем другое дело.

Шульгин в принципе понимал ее правоту. То, что они сейчас делали, действительно шло поперек предыдущей истории, которую можно было считать «естественной мировой линией». Как ни суди, а все, что случилось на Земле с 1914 по 1921 год, вызывалось достаточно объективными причинами, вытекало из созданных всем XIX веком обстоятельств – и в экономике, и в политике, и в психологии как прави-

тельств, так и «широких народных масс».

Включая и «великую русскую смуту».

А сейчас происходило нечто, ломающее сложившиеся отношения между странами, устоявшиеся геополитические концепции, весь экономический базис западноевропейской цивилизации.

И совершенно естественно, что сопротивлялись не только люди, сопротивлялась, если можно так выразиться, вся ноосфера. Коллективный разум муравейника протестовал против изменений привычных правил игры.

– И то, что мы условились называть «Системой», – согласилась с ним Сильвия, – как некий наднациональный организм, консолидирует сейчас все свои силы и ресурсы, чтобы вернуть мир к его привычному состоянию.

А сил и ресурсов у них много. Аналитики и политологи лихорадочно изучают сейчас ситуацию, пытаются построить непротиворечивую модель происходящего, банкиры и финансисты ведут переговоры и консультации, чтобы выработать нечто вроде новой Бреттон-Вудской экономической системы послевоенного мира, а люди, привыкшие главную ставку делать на силу, разрабатывают стратегию силового решения проблемы.

– Если я правильно предполагаю, «Система» видит оптимальный выход в беспощадной войне с нами? Причем – войне без правил? – спросил Сашка.

– Разумеется. Другого пути просто нет. Да, война уже на-

чалась. Пока – тайная. Чтобы вернуть мир к исходному состоянию, им необходимо прежде всего ликвидировать Югослoссию, ее прoтoивoестественные союзы с Турцией, Японией...

– Отчего же именно ее? Мне представляется, что как раз Югослoссия ничем не угрожает Западу. В принципе союзное государство, весьма цивилизованное, член Антанты, сумевшее справиться с большевизмом, не отказывающееся от своих обязательств.

Казалось бы, твоим друзьям следовало бы ухватиться за нее как за спасательный круг. Если начнется очередная борьба за передел мира, как раз мы способны обеспечивать интересы евроатлантической цивилизации на азиатских рубежах. Некоторые недоразумения, возникшие в отношениях с Англией, вполне могут быть решены путем переговоров. Мы даже готовы на уступки...

– Господи, да не в этом же совершенно дело! – не сдержала чопорная англичанка эмоционального вскрика. – Вы можете быть сколь угодно цивилизованным, дружественным государством, это ничего не меняет!

Сам факт существования Югослoссии ломает мировое равновесие. Будущее отбрасывает свою тень в прошлое, не случившееся здесь, но реализованное в десятках других реальностей будущее протестует... Я не представляю себе в точности механизма этого воздействия, но это так.

И она начала достаточно подробно объяснять ему детали

и тонкости складывающейся ситуации, приводить ранее не известные ни Шульгину, ни Новикову подробности происходящих в финансовых, дипломатических, военных и придворных кругах Англии событий.

– Понимаю... – Внимательно слушая ее, Шульгин вспомнил вроде бы мелкий, незначительный факт, который тем не менее четко ложился в изложенную Сильвией схему.

Так же вот было с начальником ВВС Красной Армии генералом Рычаговым, расстрелянным по приказу Сталина в 41-м году, а ими спасенным из подвалов Лубянки и возвращенным в строй.

Так, Павел Васильевич тоже все время задумывался нехстати и однажды признался, что не до конца понимает, жив ли он на самом деле, а если да, то почему и зачем. Значит, ощущал каким-то образом свою несостоявшуюся смерть.

Но сейчас вдаваться в столь тонкие материи Шульгину представлялось несвоевременным. Гораздо важнее определиться, что делать в настоящее время. Кое-какие соображения у него родились прямо сейчас, но они требовали существенного изменения уже согласованных и утвержденных планов.

– Твои слова меня как минимум опечалили, – совершенно искренне сказал Шульгин. – Я надеялся, наша политика принесет миру покой хотя бы лет на тридцать. Этого нам как раз бы и хватило, чтобы прожить лучшие годы в свое

удовольствие. А теперь... Наверное, мне придется отложить свое свадебное путешествие. Отправляйся в Лондон и жди меня там. Я в удобном месте соскочу с яхты и нанесу тебе визит. Если сумеешь – замотивируй мое появление, проведи соответствующую подготовку, прикинь, с кем и в каком качестве мне полезно будет познакомиться...

Отчего бы, в конце-то концов, нам самим не войти в «Систему»? После несчастного случая в «Хантер клубе» они должны испытывать определенный кадровый голод...

Сильвия посмотрела на Сашку со странным выражением. Повторялась обычная история – эти земляне всегда ухитрялись найти совершенно неожиданный ход, резко меняющий весь расклад. Решение Шульгина, принятое и высказанное им явно с налету, без подготовки, теперь казалось ей вполне логичным и имеющим солидные шансы на успех.

Так отчего же ей, имеющей почти вековой опыт дипломатических интриг, подобное не пришло в голову?

«А вот потому и не пришло, – самокритично подумала аггрианка, – что именно они признаны высшими силами достойными кандидатами в Держатели Мира. А все мы, и форзейли, и аггры, лишь более-менее квалифицированные исполнители чужой воли, исходящей из непостижимых для нас принципов».

Самое интересное, что в отличие от истинно земной женщины, тем более – британской аристократки, Сильвия не испытывала к Шульгину или Новикову ревности, желания ото-

мстить, уничтожить удачливого соперника, чтобы занять его место. Нет, пусть неявно, без потери лица, она признавала справедливость сложившегося положения вещей.

Вот если ситуация изменится, например, если поступят какие-то указания из метрополии, тогда конечно... А пока она готова помогать Шульгину в меру сил. Впрочем, после недавней встречи с Дайяной на Валгалле в существование метрополии она уже почти не верила. Как сказала Дайяна – «реальность выгорает»?

– Только ты серьезно отнесись к моим первым словам, – сказала Сильвия, когда все нужное уже было сказано, – прорыв через Средиземное море может поломать все наши планы. Может быть, лучше все-таки еще раз прибегнуть к межпространственному переходу? Вы измените название и внешний вид яхты, возьмете себе другие псевдонимы, начнете путешествие сразу из Атлантики или Индийского океана. А мы здесь обеспечим соответствующую операцию прикрытия. А потом ты в удобном месте пересядешь на рейсовый пароход и появишься в Лондоне...

– Это хорошая идея, – согласился Шульгин. – Только пусть о ней не знает никто, кроме нас...

– Каким же образом? – не поняла Сильвия. – Переход из Севастополя по межпространственному каналу тайно организовать невозможно. И Новиков, и Левашов, и Воронцов должны участвовать...

– Переход – да. Тут мы ничего от своих скрывать не бу-

дем. Причина понятна. Все же остальное... Зачем зря людей расстраивать. У каждого много своих забот. С Андреем, Ириной и женой я уж сам договарюсь. Прочее же – на мое усмотрение.

Несмотря на исключительно деловой, судьбоносный даже характер разговора, Сашка все отчетливее ощущал некоторую абсурдность происходящего. Особенно если посмотреть на это со стороны, свежим и непредвзятым взглядом.

Второй час ночи, уединенный кабинет, интимный полумрак, негромкая, настраивающая на соответствующий лад музыка, кружащие голову напитки, а он сидит за столиком напротив изысканно красивой женщины, известной своей склонностью к эротическим забавам, более того – своей бывшей любовницы и ведет с ней до чрезвычайности серьезные разговоры, более подходящие убеленным сединами, ни на что сумасбродное не способным ветеранам дипломатических ристалищ. Вроде всяких там Извольских, Сазоновых, Горчаковых и прочих Клемансо с Чемберленами.

А от Сильвии ведь пахнет сладковато-терпкими духами, наверняка «Шанелью № 5», которая волнует и возбуждает грешные мысли ничуть не хуже, чем рижская «Лэлда» или польские «Быть может...», которыми, за неимением лучшего, охмуряли парней девушки шестидесятых годов.

Поблескивают антикварные золотые перстни на тонких пальцах англичанки, призывно взмахивают время от времени длинные изогнутые ресницы, заманчиво выглядывают из

выреза блузки с как бы невзначай расстегнувшейся верхней пуговичкой вздымающиеся от дыхания полушария груди.

Отчего бы не прекратить ставший утомительным разговор и не вспомнить, как у них в свое время неплохо все получалось? Особенно самый первый раз, когда они еще были непримиримыми врагами и оба готовились к самому худшему. Сильвия тогда четко его переиграла, но...

Тактический успех не стал победой, а превратился в стратегическую катастрофу для нее и для всего их галактического дела. Что отнюдь не умалило ее собственных женских достоинств. Вот бы и сейчас так! Или прямо здесь, на кожаных диванах, или в соседней каюте первого класса, всегда готовой к приему поднимающихся на борт пассажиров.

Сомнений нравственного плана, терзаний по поводу того, что он готов изменить влюбленной в него молодой жене, Шульгин не испытывал. Совсем тут другие категории, ничего общего с обыденной моралью не имеющие. Нравственно все, что идет на пользу делу мировой революции, как говаривал Владимир Ильич.

Ножки вот у леди Спенсер великолепные, юбочку она надеда, пользуясь случаем, такую, в которой никогда бы не появилась сейчас в салоне леди Астор или на фэйф-о-клоке у королевы. И сидит так, что отсюда, с его места за столиком, ничего не видно, но зеркала на переборках от пола до потолка, чередующиеся с дубовыми панелями, если знать, под каким углом взглянуть, показывают вполне достаточно, чтобы

во рту пересохло.

Сашка встал, качнулся сильнее, чем нужно, ухватился рукой за край столика и направился к стойке бара. Спиной и уголком глаза в зеркалах он видел ее взгляд, радовался, что все получается правильно.

ИЗ ЗАПИСОК АНДРЕЯ НОВИКОВА

Тогда же, там же.

... Возвратившись в зал, я заметил, что настроение присутствующих несколько изменилось. Судя по виду Ларисы, явно возбужденной, с яростно посверкивающими глазами, инициатором или, по крайней мере, активным участником конфликта была именно она. Что и неудивительно при ее импульсивном, синусоидального типа характере.

Это, конечно, не маниакально-депрессивный психоз, но определенная акцентуация именно в этом направлении. Интересно, что вызвало у нее вспышку гнева сейчас? Вроде бы ничего не предвещало.

В ближайшие минуты все выяснилось.

Я уже писал, что взаимоотношения Шульгина и Ларисы были далеко не однозначными (в основном – с ее стороны). Этакое сочетание взаимного влечения и односторонней подозрительности и неприязни.

По-моему, между ними даже имел место тайный непродолжительный, но бурный роман.

Конечно, до того, как Сашка обвенчался с Анной.

Олег, по обыкновению, ни о чем не подозревал, да и Шульгин вовремя одумался, иначе раскол в нашей неболь-

шой компании стал бы непреодолимым. Как будто мало нам было весьма для всех неприятного треугольника «Я – Ирина – Берестин».

А сейчас повод для ссоры оказался вроде бы совсем пустячный. Шульгин как бы между прочим заметил, что хорошо, что мы с ним уезжаем, а то ситуация в мире опять становится угрожающей и трудно было бы удержаться от очередной корректировки реальности.

Мол, необходимо что-то делать и с Советской Россией, и с Англией, ну и с «Системой» разобраться, а то как бы Европа невзначай не вползла в очередную бессмысленную войну.

Лариса, за последний год привыкшая к роли жены и одновременно «серого кардинала» при Левашове, официальном полпреде Югории при советском правительстве и неофициальном координаторе тайного военно-политического союза между двумя Россиями, неожиданно возмутилась.

Ей показалось, что Шульгин намекает на ее особую и где-то двусмысленную роль, чуть ли не обвиняет в том, что она вынашивает планы смещения Троцкого и захвата власти в РСФСР.

Самое смешное, что однажды, вскоре после 1-го московского мятежа «леваков», мы с Сашкой словно бы в шутку, но обсуждали подобный вариант. Тогда и прозвучал подходящий для нее титул: «Принц-консортша Генсека Лариса Первая».

Исходя из того, что Олег, по своим убеждениям, впол-

не мог бы сравнительно мирным путем сместить Троцкого, стать Генеральным секретарем РКП (б) и Предсовнаркома, чтобы воплотить в жизнь свой идеал «социализма с человеческим лицом», некую смесь дубчековской Чехословакии, титовской Югославии и отечественного нэпа.

Неужели до нее дошли наши тогдашние разговоры? Или она на самом деле видела себя в похожей роли, постоянно опасаясь, что ее планы станут известны раньше времени?

Нам с Сашкой на подобные заморочки давно было наплевать, и препятствовать даже таким замыслам мы не стали бы, но Лариса, похоже, считала иначе.

И сейчас, отводя от себя померещившийся ей удар, она обрушилась на Шульгина со всей мощью своего агрессивного темперамента. Как принято было говорить в наши студенческие времена – перекинула стрелки.

В числе прочих прозвучало и обвинение, что Сашка (мое имя при этом не упоминалось) для того и воевал с агграми, чтобы занять на Земле оставленную ими нишу.

То есть не она намеревается захватить власть в Кремле, а Шульгин мечтает об абсолютном мировом господстве. Не более и не менее.

Попытки Шульгина в очередной раз свести все к шутке, утрируя и доводя до абсурда Ларисины тирады, успеха не имели. Хуже того, в дурацкую дискуссию втянулся и Олег, потом не смолчала и Сильвия.

Совсем как в рассказе Шолом-Алейхема «Слово за сло-

во».

В общем, подтверждались мои худшие выводы.

Обстановка в нашем коллективе перенапряжена и чревата... Я даже и не знаю, чем. Надеюсь, что не внутривидовой холодной гражданской войной. Подобное было к концу нашей первой зимы на Валгалле. Только там все было понятнее. Вынужденная изоляция в ограниченном пространстве Дома плюс абсолютная неясность грядущих перспектив. Тогда нас спасло внезапное вмешательство извне. А вот сейчас? Кто виноват и что делать?

И, значит, мое решение уйти в любом случае правильное. Сашкин же план остаться и действовать по-прежнему вызывал у меня сомнение.

... Уже совсем поздно или скорее рано – в третьем часу утра мы оказались вчетвером в моей каюте: Ирина, Сашка, Сильвия и я.

Получилось совсем по-сталински. Политическая матрешка. В ЦК партии создается бюро ЦК, внутри его – Президиум бюро, а уже в Президиуме совершенно тайные и внеуставные когда тройки, когда четверки. Руководящие и направляющие.

Вот и у нас...

Негласно подразумевалось, что мы, здесь присутствующие, единственно понимаем как степень грозящей нашему делу опасности, так и способы ее преодоления.

Нескромно? Ну, что ж...

Не в том дело, что мы кому-то из друзей всерьез не доверяли или, упаси бог, собирались против кого-то интриговать. Все проще.

Когда возникает серьезная опасность, не время для долгих дискуссий. А поскольку мы с Ириной с самого начала были единомышленны во всем, то наша четверка оказывалась практически триумвиратом, достаточно эффективным органом принятия решений.

А другие...

Воронцов всегда держался чуть наособицу, предпочитая выполнять частные задачи, не связывая себя с глобальной политикой и не отягощая совесть сверх необходимого.

С Берестиным Сильвия поделится нашими идеями и замыслами в той мере и тогда, как сочтет нужным.

С Олегом же, все больше подпадающим под влияние Ларисы, просто не хотелось конфликтовать. Вернее, лично мне не хотелось ставить его в малокomфортную ситуацию выбора между старыми друзьями и возлюбленной.

Примерно через полчаса мы организационно оформились как «Чрезвычайный комитет Службы охраны реальности». Присутствующий во всем этом элемент интеллектуальной игры как бы маскировал серьезность и даже некую необратимость происходящего.

Цели комитета определялись просто: «В условиях нарастающей в мире нестабильности, вызванной как естественной

реакцией данной реальности на грубое вмешательство извне, так и воздействием неизвестного количества неизвестных же факторов, ЧКСОР берет на себя ответственность за поддержание максимально возможной стабильности, недопущение парадоксов и артефактов как со стороны остальных членов СОР, так и прочих, естественных и потусторонних субъектов и сил ныне протекающего исторического процесса...»

Ну и далее подобным же высоким штилем на две с половиной страницы.

Мы недвусмысленно декларировали, что считаем всех наших друзей полноправными членами означенной Службы, а себя лишь группой лиц, в силу воздействия форсмажорных обстоятельств вынужденной действовать какое-то время с нарушением принципа коллегиальности.

Одной из неотложных мер стабилизации обстановки как раз и считалось наше одновременное самоустранение от дел. Мы трое «уходим завтра в море», Сильвия же немедленно отбывает в Лондон, где создает нечто вроде запасного пункта управления и связи. На основе уцелевшей материально-технической базы аггрианской резидентуры.

– Выходит, что во многом Лариса, сама этого не подозревая, оказалась права, – с тонкой усмешкой сказала сама леди Спенсер. – И элементы сговора за их спиной просматриваются, и возвращение к целям и методам аггров имеет место. Разве нет?

– За дуру ее никто и не держал, – ответил Сашка. —

И ум, и хватка, и интуиция – все у нее присутствует. Но... «Каждый человек необходимо приносит пользу, будучи употреблен на своем месте». Сейчас ее место не здесь. Всего лишь. А когда время изменится...

– «*Tempora mutantur et nos mutamur in illis*»³, – подвела итог Сильвия.

– Вот именно, – кивнул я.

На том и порешили, расходясь.

– А все же о том, что Сашка остается, вы не сказали и полноправному члену триумvirата, – с некоторым злорадством отметила Ирина, когда мы уже лежали в постели.

– Не думаю, что она нам тоже все сказала о своих собственных делах. Да и не беда... Каждому достанет своей заботы... – ответил я небрежно, занятый совсем другими мыслями.

– Нет, нет, – отстранилась Ирина, когда я потянул вверх ее длинную ночную рубашку, – давай сегодня обойдемся. Устала я, шампанского слегка перебрала, вообще настроения нет. Вот выйдем в море, отоспимся как следует, тогда – сколько угодно...

– Ага, отоспишься ты в море, особенно если заштормит... – пробурчал я, отворачиваясь.

... У Шульгина же ситуация получилась совершенно обратная. Здесь как раз ему хотелось спать, но Анна, уже зная,

³ Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними (лат.)

что завтра им придется расстаться как минимум на две недели, а то и больше, рассчитывала напоследок «оттянуться по полной программе».

Сашку до сих пор несколько удивляло, что скромная, поначалу даже чопорная девушка, рожденная в последний год прошлого века и воспитанная в строгих правилах закрытого пансиона, оказалась столь раскованной, темпераментной и азартной в «личной жизни». Шульгин, знавший ту жизнь в основном по классике, привык думать, что внешние манеры бабушек и прабабушек адекватно отражали их внутренний мир.

Оказалось – не так.

... И все же мы решили идти проливами в Средиземное море, через Архипелаг к Суэцу. Риск? Конечно, он присутствовал, тем более что из берестинского компьютера я знал, что англичане, и не только они, тщательно отслеживают все наши перемещения даже в пределах Черного моря.

Выход яхты за пределы зоны, прикрываемой флотом, береговыми батареями Чанаккале и авиабазой на острове Имроз, сулил нам массу неприятностей.

После шокировавшего всю Великобританию разгрома и пленения ее эскадры в бою у мыса Сарыч, которую почти все, от портового бродяги до Первого лорда Адмиралтейства, восприняли едва ли не тяжелее, чем русское общество в свое время Цусиму, идея реванша в буквальном смысле

виталя в воздухе. А особенно — на страницах и консервативных, и большинства либеральных газет. Редко какой обозреватель осмеливался корректно усомниться, а столь ли необходимо было адмиралу Сеймуру достаточно безрассудно (да что там, бесчестно) нападать на главную базу флота своего недавнего союзника. Ведь все-таки именно Югославия считается официальным правопреемником императорской России, никак не большевистский режим в Кремле.

А пресловутый тезис, что у Британии нет постоянных друзей и союзников, есть только постоянные интересы, в данном случае звучал сомнительно.

Ради каких таких интересов стоило приобретать нового, судя по итогам стычки, сильного врага, позорно сдать в плен пять сверхдредноутов, а потом еще и потерять Турцию? Не лучше ли как-нибудь завершить дело миром, разумеется, почетным, и начать англо-югославские отношения с чистого листа? А всю вину за случившееся возложить на того же Сеймура, предав его военному суду?

Однако в прессе подобные мотивы звучали крайне сдержанно, несмотря на то, что сам премьер-министр придерживался почти такой же точки зрения.

Именно по его инициативе Форин-офис обратился к Врангелю с предложением возвратить сдавшиеся в плен корабли и забыть о прискорбном инциденте, начав одновременно переговоры о дальнейшей судьбе Турции и черноморских проливов. По моему совету Верховный правитель отве-

тил с достоинством и сдержанно.

Югороссия, мол, движимая не забытыми еще союзническими по Антанте чувствами, безусловно, готова к переговорам и даже не возражает против обсуждения дальнейшей судьбы вполне добровольно спустивших флаги линкоров, которые по всем обычаям являются законным трофеем русского флота, как, например, доставшиеся японцам корабли Тихоокеанского флота.

В 1916 году Россия, как известно, даже будучи союзницей Японии, выкупила у них отнюдь не сдавшиеся, а затопленные своими экипажами «Варяг», «Пересвет» и «Полтаву» за полновесные золотые рубли.

Вот и сейчас Югороссия готова, в случае принесения британским правительством соответствующих извинений и выплаты компенсации за понесенный русским флотом ущерб, возвратить пять линкоров вместе с экипажами за вполне доступную, возможно, даже символическую сумму.

Естественно, после такого ответа гордый Альбион от идеи переговоров отказался и приступил к тесной блокаде выхода из Дарданелл в Эгейское море.

В блокаде участвовали срочно переброшенные из метрополии и Сингапура восемь линкоров, четыре крейсера и дюжина эсминцев, составивших вновь образованный Средиземноморский флот под командой контр-адмирала Джереми Садлера.

Адмирал немного недобрал славы в мировую войну и те-

перь мечтал блеснуть флотоводческими талантами и получить очередную нашивку.

Прорвать и даже полностью снять блокаду российскому флоту с его новыми возможностями технически было нетрудно. Но – бессмысленно.

Если только не принудить Англию к безоговорочной капитуляции и полной демилитаризации, примерно так, как это было сделано с Германией. А иначе восстановить русское торговое судоходство в Мировом океане все равно невозможно. Пришлось бы смириться с тотальной каперской войной без правил или уж «добывать врага в его берлоге».

И все же мы решили предпринять этот вроде бы самоубийственный и в любом случае сулящий дальнейшие осложнения шаг. Тщательно взвесив все возможные последствия.

В идеале можно рассчитывать, что «Призрак» сумеет проскочить между островами незамеченным. Удалось же подобное в 1942 году ледоколу «Микоян», который, имея всего десять узлов хода, пробрался мимо Лесбоса, Хиоса, Крита и Кипра, избежав встречи с итальянскими эсминцами и немецкими торпедными катерами.

А яхта ведь не грузный неповоротливый ледокол и скорость под дизелями развивает почти такую же, как самый быстроходный английский «Виттори». Так что шансы на прорыв неплохие.

А если пробраться тишком не удастся – есть второй вари-

ант. А также и третий.

ГЛАВА 3

...«Валгалла» начала отворачивать вправо, ложась на курс и постепенно прибавляя ход. На мутной поверхности моря обозначился кильватерный след, тоже какой-то грязноватый, лишенный той торжественности, что бывает, когда вода сапфирово-синяя, а с неба сияет летнее солнце.

Словно поздравляя столпившихся на крыле мостика друзей с началом плавания, а на самом деле – прощаясь, Шульгин несколько раз взмахнул рукой с зажатой в ней фуражкой. Дождлся, пока Новиков передвинул рукоятку машинного телеграфа на «средний ход» и скрылся в рубке. Как бы по неотложному делу. Или – отметить первые кабельтовы кругосветного плавания ритуальной рюмочкой.

Вскоре он вновь появился на палубе, и даже в сильный бинокль никто бы не заметил подмены. Хотя уже не Шульгин это был, а одетый в такой же форменный китель и фуражку биоробот, фотографически похожий на прототип.

Даже если придется подходить вплотную к борту «Валгаллы» и вступать в разговор с кем-либо из друзей, не меньше получаса он в этой роли продержится. Потом, конечно, обман может раскрыться, да и то не наверняка. Словарный запас у робота почти неограниченный, все основные манеры и реакции Шульгина скопированы. Только в действительно неординарной ситуации псевдомозг может «зависнуть»...

А настоящий Сашка в это время в своей каюте сбросил китель, брюки и прочее, натянул утепленный серо-зеленый гидрокостюм. Октябрь все же за бортом, а плыть до известного места на берегу не меньше двух миль, то есть полчаса минимум.

Прошлепал мягкой резиной по ковру пассажирского коридора, по узкому металлическому мостику машинного отделения, висящему над аккумуляторными ямами и белыми кожухами двух тысячесильных двигателей, сквозь овальную, снабженную кремальерой герметичную дверь, так непохожую на резные дубовые двери «господской половины», спустился под полубак.

Здесь, в специальном отсеке сразу за таранной переборкой, примерно так, как «Калипсо» капитана Кусто, размещалась шлюзовая камера, часть дна и боковые стенки которой были изготовлены из сверхпрочного прозрачного пластика.

Чтобы, значит, любоваться подводным миром и заранее точно знать, куда именно выходишь с аквалангом. Незаменимое устройство для прогулок в Красном море или на Большом барьерном рифе.

Сейчас, впрочем, за бортом не видно было ничего, кроме слегка светящейся бурой мути. Осенние штормы подняли со дна тучи ила, перемешанного с прибрежным песком и мусором. Плыть придется исключительно по компасу.

Пока он застегивал на груди замки акваланга и проверял зарядку батарей подводного скутера-буксировщика, в дина-

мике зазвучал голос Андрея:

– Ты как там, готов? «Валгалла» разгоняется. Еще минут пять, и я дам полный ход. Успеваешь, или потянуть время?

– Успеваю, – ответил Сашка. – Почти. Потяни на всякий случай еще минут столько же...

– О'кей! Значит, через десять ровно.

Новиков помолчал, будто не зная, что сказать еще. И вправду. По делу все давно обговорено, однако и оборвать разговор просто так вроде бы и неудобно. Спросить, не передумали в последний момент, – смешно. Пожелать удачи или посоветовать беречь себя – банально.

– Смотри, в общем, там. – Андрей словно бы вздохнул, давая понять, что по-прежнему не в восторге от Сашкиной затеи. – Устроишься – свяжись со мной по закрытому каналу. Как, где и что. Может, быстренько управишься и переключишься ко мне...

– Да уж. Ты сам води ушами, а то поймаешь шальной снаряд не в шутку, а натурально.

– Типун тебе... Ну, пошел, что ли?

– Пошел. Не забудь шлюз сразу же продуть...

– Да уж как-нибудь...

Шульгин задвинул над головой герметическую крышку, и через несколько секунд шлюзовая камера заполнилась водой.

«Как на подводной лодке «Пионер». – Сашке неожиданно вспомнилась любимая в детстве «Тайна двух океанов».

Створки дна раскрылись, как бомболюк самолета. Шульгин резко ушел на глубину, чтобы не попасть под винты, краем глаза заметил, как быстро растаяла в мути блестящая обшивкой из бериллевой бронзы подводная часть яхты, окруженные вихрем пузырей кавитации винты.

Уточнил по компасу направление и включил электромотор скутера.

Подобно шпиону из приключенческих книжек 50-х годов, выбравшись на берег, Шульгин разделся, привязал гидрокостюм и акваланг к скутеру, открыл клапан балластной цистерны.

Снаряжение он притопил в щели между скалами на пятиметровой примерно глубине. Привалил сверху для надежности парой камней. Глядишь, еще и пригодится когда...

Впрочем, ерунда все это. И баллоны акваланга заправить в этом мире негде, и аккумуляторы скутера через сутки-двое сядут полностью. Так что лежать имуществу на дне до скончания веков...

При себе он оставил только часы, компас и десантный нож. Голый (лишь в шерстяных плавках) человек на голой земле, как любил говорить великий анархист князь Кропоткин. Или Бакунин.

Хорошо, что ненадолго, подумал Сашка. Слишком буквальное следование заветам классиков его не увлекало. Погодка не совсем подходящая. Не на Таити, чай.

Перед тем как скрыться в лесу, Шульгин невольно обер-

нулся. От самой воды громоздились тучи, подобных которым и видеть раньше не приходилось. Многослойные, серо-сизые, подернутые вдобавок утомительной, какой-то больничной желтизной и чернью. То плоские, то скрученные жгутами, похожими на струи дыма из труб идущего полным ходом миноносца.

Все это – этажей в десять-двенадцать, причем ни цвета, ни фактура не смешивались друг с другом. Мрачноватое зрелище и тревожное своей необычностью. А как завершающий штрих мастера – короткий мазок багрово-алым там, где предположительно должен быть край заходящего как раз сейчас солнца.

И уже не видно ни тонких мачт яхты, ни даже надстроек громадного парохода. Нуда, они успели отмотать миль десять, если не больше.

И теперь окончательно – каждый сам за себя. «Один бог за всех»...

Если очень уж припрет, то, конечно, помощь друзей гарантирована. Но это будет означать проигрыш, что Шульгина никоим образом не устраивало.

Следовало торопиться, пока еще окончательно не стемнело.

... Бежать по узкой тропе, с обеих сторон стиснутой густым кустарником, было легко. Почва песчано-щебенчатая, не раскисающая даже после многодневных дождей. Только

вот гроздьях крупных, холодных и тяжелых капель, то и дело обрушивающихся на голову и плечи с низко нависающих ветвей, удовольствия не доставляли.

Если бы летом, в жару, тогда да, а сейчас явно неуместный натурализм.

В приличном темпе Шульгин пробежал два с лишним километра, из них последние пятьсот метров тропа круто пошла вверх и вывела на край глубокой балки, заросшей неожиданно густым для этих мест лесом.

Толстые, перекрученные древними природными катаклизмами стволы реликтовых генуэзских сосен надежно скрывали укромную полянку, где у подножия двухсотлетнего, наверное, дерева, кипел родник чистой минеральной, похожей на боржоми воды.

А рядом, под маскировочной сетью, скрывающей от маловероятных, но все же возможных и в этом глухом месте посторонних взглядов, притаился зеленовато-песочный «Додж 3/4».

За рулем в расслабленной позе, словно бы подремывая в ожидании хозяина, сидел человек, удивительно похожий на Джо Кеннеди, слугу доктора Фергюссона из романа Жюль Верна «Пять недель на воздушном шаре», как его описал автор и изобразил художник Луганский.

Истинный шотландец, лет тридцати от роду, невысокий, но крепкий, сильный, как буйвол, и ловкий, как обезьяна, с открытым, честным и мужественным лицом, смышле-

ным взглядом. Откровенный, решительный и упрямый. Его внешность невольно располагала к себе: потемневшее от загара лицо, живые карие глаза, смелость и резкость движений, наконец, что-то доброе и честное во всем его облике.

Именно такой слуга, знающий вкусы, угадывающий желания хозяина, неподкупный и верный до смерти, должен сопровождать джентльмена славной викторианской эпохи в его странствиях по миру.

А если эпоха давно уже не викторианская, а совсем, совсем другая – тем более. Сразу всем будет виден «человек из ранышенного времени», как говаривал Шура Балаганов, а такие люди способны внушать скорее почтительное, пусть и несколько жалостливое уважение, но отнюдь не подозрения и не неприязнь...

– Вот и я, Джо, – сообщил Шульгин, разумеется, по-английски, стряхивая воду с лица и волос, как будто биоробот мог не заметить его появления. – Полотенце, одежду, и – согреться...

Слуга, у которого от этих слов включилась его программа (до этого он находился в режиме ожидания и охраны вверенного ему объекта), быстро, но неторопливо встал, поклонился без подобострастия, позволил себе улыбнуться.

– Рад вас видеть, сэр! Все благополучно? У меня тоже спокойно. Посторонних здесь не появлялось. Извольте... – Не теряя ни секунды, поскольку знал наизусть, где и что у него хранится, извлек из чемодана в кузове большое махровое по-

лотенце. — Какой костюм прикажете?

— Пока — тренировочный. И — поехали. В мой охотничий домик. Там и поужинаем...

Джо кивнул, сноровисто свернул сеть, аккуратно, без ненужной лихости тронул машину с места.

... Вот теперь все хорошо. Новая жизнь началась по-настоящему. Нет больше в этом мире Александра Шульгина, есть путешествующий для собственного удовольствия сэр Ричард Мэллони, которого неудержимая любовь к приключениям привела в самый экзотический на сей момент уголок планеты.

Посмотреть ему захотелось, знаете ли, что тут на самом деле происходит, каким образом из осколка Великой империи образуется современное, динамичное, похоже, смертельно опасное для «европейского равновесия» государство.

Сами по себе европейские, равно как и мировые, проблемы сэра Ричарда волновали мало, поскольку себя он считал существующим вне всяческой политики, но вот очевидцем быть любил. Начиная со времен Англо-бурской и Испано-американской войн. И очень надеялся к старости издать мемуары. Оставить, так сказать, свой след на земле.

Кроме солидного счета в банке, особняка, заполненного раритетами и охотничьими трофеями, и заготовленной заранее могильной плиты с продуманной покойником эпитафией. Вроде той, что сочинил для себя Стивенсон.

Более чем достойная цель жизни в это сумасшедшее вре-

мя.

Охотничий домик, небольшой, но уютный, сложенный из дикого местного камня, на высоком цоколе, с мансардой под крутой, как у швейцарского шале, черепичной крышей, малоприметно расположился на краю высокого обрыва.

Со стороны узкой щебенчатой дороги дом и небольшой дворик надежно скрывали кривые стволы крымского карагача и колючий кустарник.

Шульгин купил эту недвижимость весной, в подарок Анне, всегда мечтавшей иметь нечто подобное в личной собственности, но даже приличного ремонта сделать не успел. Да и выезжали они сюда с женой всего три раза, шашлыки пожарить да ночь провести «вдали от шума городского».

Зато сейчас дом пригодился. В качестве запасной операционной базы.

... Под шиферным навесом небольшой, но жаркий костерок горел уверенно, без дыма, по крыше и листьям деревьев шуршал явно надолго зарядивший обложной дождь. Шульгину нравился этот антураж, заходить в дом ему не хотелось.

На сколоченном из толстых буковых плах столе Джо сервировал холодный ужин, откупорил бутылочку бренди, приготовил кофе и любимую хозяйном после ужина сигару, после чего удалился обратно в машину.

Хорошо.

Тишина, нарушаемая лишь естественными в ночном лесу звуками, нежная отварная телятина с острым соусом

«кэрри», ароматный сыр, жестяная коробочка маринованных трепангов, в меру поджаренные тосты.

И можно не спеша размышлять. Так, как положено джентльмену в «предлагаемых обстоятельствах».

Планы? А никаких специальных планов у путешественника и нет. Ближайшая цель достигнута. Каким образом? Ну, скажем, на этом самом автомобиле. Своим ходом он добрался в Крым из Баку, куда, в свою очередь, приплыл пароходом из Энзели, а туда – верблюжьим караваном из Абадана через Тегеран.

Все необходимые отметки в паспорте имеются, как и несколько рекомендательных писем – от Королевского географического общества, от русских, еще царских консулов в Индии и Персии. Очень похожие на настоящие, не придершья.

Да вообще-то в нынешней Югороссии кому какое дело до богатого путешественника-иностранца, исколесившего полмира и вот добравшегося и сюда. К примеру, желает он ознакомиться с достопримечательностями Севастополя, при осаде которого дедушка нашего героя в 1855 году потерял ногу.

Или руку?

Нет, лучше все-таки ногу, поскольку старый сэр Роберт был страстным охотником, каковую страсть привил и любимому внуку, и продолжал стрелять тигров уже со слоновьего загровка, вплоть до безвременной кончины в возрасте восьмидесяти шести лет.

А посетив «места боевой славы», сэр Ричард отправится далее, тем же автомобилем или поездом, как ему будет благоугодно. Ни в средствах, ни во времени он, слава богу, не стеснен.

Еще Шульгин думал о том, что такой сюжет жизни куда предпочтительнее любого другого, и, возможно, все предыдущие события оказались необходимыми и возможными как раз для того, чтобы позволить московскому мальчишке послевоенных лет, страстному любителю определенного сорта книг и трофейных приключенческих фильмов вроде «Тарзана» и «Королевских пиратов», осуществить свою истинную мечту.

Побыв предварительно врачом, цирковым артистом, соратником форзейлей и противником аггров, белогвардейским генералом и кандидатом в Держатели Мира.

Именно для того, чтобы превратиться в конце концов в некую инкарнацию лорда Джона Рокстона, аристократа-плейбоя (хотя и нет пока в этом мире такого термина).

Хорошо бы...

Жаль только, что предстоит еще слишком много трудов, чтобы сделать нынешний мир вполне соответствующим означенной жизненной установке.

А посему в ожидании дальнейшего невредно и поспать, но предварительно...

Шульгин докурил действительно великолепную сигару, солидный запас которых его теперешний «альтер эго» все-

гда возил с собой, поскольку откуда взяться настоящей «Короне» или «Упманну» в варварских странах, где приходится странствовать?

– Джо! – окликнул он слугу. – Открой наш пятый чемодан, и приступим, пожалуй.

... Светский человек, тем более англосакс, должен путешествовать с комфортом. Иметь меньше пяти громадных, твердой кожи, окованных медными полосами кофров с надежными замками ему просто неприлично.

Ибо, где бы он ни оказался, кроме походного снаряжения, необходимо иметь и несколько выходных костюмов, и смокинг, соответствующие комплекты обуви, пару дюжин сорочек, манишек, крахмальных воротничков и манжет и так далее, и так далее.

Именно столько чемоданов и было погружено в кузов вездехода, прикрытый брезентовым тентом.

Один – с вышеназванными предметами роскоши.

Второй – с суровыми походными и охотничьими доспехами.

Третий, самый тяжелый – с оружием и боеприпасами.

Четвертый – с предметами личной гигиены.

И, наконец, пятый был загружен всевозможными «спецсредствами», необходимыми в нелегкой и малопредсказуемой жизни международного авантюриста.

Шульгин поднялся на крыльцо, вошел в холл с закопчен-

ным камином, разделся до пояса и уселся на широкую тахту.

Слуга включил электрический аккумуляторный фонарь, повесил его на кованый крюк, торчавший из стены, откинул крышку чемодана, который сразу превратился в подобие лабораторного шкафа с выдвижными полками, сплошь уставленными пузырьками, фарфоровыми, пластмассовыми и стеклянными баночками, ступками и пестиками для растирания мазей, футлярами со всевозможными инструментами странного для непосвященных назначения.

Но слуга к «непосвященным» не относился. В данный момент включилась программа, согласно которой робот становился не меньше как магистром фармации, гримером, косметологом и средневековым алхимиком одновременно.

Не прошло и получаса, как Шульгин, предварительно подстриженный и побритый в соответствии с легендой, лежал на спине с головой, обмотанной подобием тюрбана, лицом, облепленным остро и пряно пахнущими салфетками, торсом и руками, натертыми пощипывающей кожу мазью.

– Теперь постарайтесь заснуть, сэр. Процедура займет не меньше трех часов. А потом продолжим...

Заснуть Шульгин и сам был не прочь, сутки выдались нелегкие, а если не получается? Едва шевеля губами, он пробормотал:

– Если бы ты мне хоть через трубочку граммов сто бренди сюда подал, я бы тебя послушался.

– Как прикажете, сэр.

«Тоже вот привычка, — думал Шульгин, медленно цедя жгуче терпкий напиток через пластиковую соломинку. — Добро бы я действительно напивался, как нормальные мужики, а то ведь нет. Сколько ни пей, а голова практически ясная, ни забыться, ни «стать другим человеком» не получается.

Так что процесс ради процесса. Приятен сам момент, те две-три минуты, когда ощущаешь вкус, букет, можно сказать, и по пищеводу потекло, и самый первый толчок в мозгу — достало, значит. А дальше уже лишнее...

Пьешь скорее по привычке или от наивной надежды, что каждый следующий глоток будет как первый... — в который уже раз Сашке начиная с молодых еще лет приходилось отвечать самому себе на вопрос: «Для чего же ты, братец, все пьешь и пьешь, не пора ли остановиться?» И каждый раз он отвечал по-разному, но сводилось все к простейшей формуле: «А вот нравится, и все».

Потом уже начинались дополнительные толкования, ничего принципиально не меняющие.

И если раньше, в первой, нормальной, так сказать, жизни, он еще задумывался подчас о возможном вреде для здоровья, то после появления браслета-гомеостата вопрос отпал сам собой. Пей хоть непрерывно круглые сутки, через два-три часа в организме не оставалось ни молекулы спирта, не говоря о полном отсутствии каких бы то ни было следов его действия. Мечта алкоголика...

Но пока что медленно, тщательно потребляемый напиток свое действие оказывал.

Как там у Ремарка? «Алкоголь ценен прежде всего тем, что превращает тоску обыкновенную в тоску сладкую, и человек переполняется десятикратно усиленным ощущением самого себя...»

Оснований тосковать у Сашки пока что не было, скорее наоборот, а вот на ощущение самого себя тянуло непреодолимо. Тем более что только теперь выдался по-настоящему подходящий момент разобраться, какого именно черта он делает здесь и сейчас?

С Андреем, с тем все понятно. Он действительно безумно устал, вольно и одновременно невольно взвалив на себя «всю тяжесть мира». Со своей, иногда избыточной, честностью и слегка превратно усвоенным лозунгом «шестидесятников»: «Я отвечаю за все!»

Он вообразил, что это действительно так, и со всеми благоприобретенными и полученными извне силами бросился воплощать его в жизнь.

Почти все, что Новиков хотел и представлял, у него получилось. В соответствии с начертанным на родовом гербе девизом: «Vouloir s' est pouvoir!»⁴. Но – надорвался и теперь действительно не мечтает ни о чем кроме отдыха.

Чтобы потом вернуться «на фронт». Отпуск по ранению, если угодно.

⁴ Хотеть – значит мочь (фр.)

А ты сам, Александр Иванович Шульгин? Ведь признайся хотя бы себе, для тебя ведь это действительно в огромной мере не более чем игра?

Увлекательная, опасная, даже смертельно опасная моментами, но все же игра. Как альпинизм, как прыжки с парашютом, как охота на медведя с рогатиной, наконец.

Не последний шанс добыть пропитание для себя и семьи, а очередной способ взять дозу адреналинчика, а потом гордиться перед собой, перед женщинами, перед такими же отчаяюгами, всегда готовыми поставить на кон голову против «зубочистки в бисерном футляре, данной нам в сувенир»...

Нет, они с Новиковым все обсудили вдвоем достаточно подробно. Еще тогда, в эйфорические дни победы на Босфоре и в Дарданеллах.

Заговор?

Ну, если угодно.

Против ближайших друзей?

Вот уж нет. Скорее ради их блага. Пусть они тоже проживут спокойно. В полном соответствии с желаниями и наклонностями каждого.

Не мешать, не навязывать собственные цели в качестве общих и обязательных к исполнению.

А главное – вывести их из-под удара, который рано или поздно последует. Не со стороны Англии или полумифической, хотя и вполне дееспособной организации, пресловутой «Системы». Там ребята справятся.

Но вот Держатели им не по зубам.

Зато теперь, без демаскирующего присутствия Шульгина и Новикова, все остальные становятся как бы «невидимками».

Неразличимыми для пронзающих века и парсеки взгядов мастеров Игры.

Как отдельные рабочие особи в гигантском муравейнике.

В разговоре с Андреем проскочила фраза, что на время его «отпуска» Шульгин берет на себя функцию этакого «смотрящего» в лагерной зоне, только не явного, а тайного. Будет присматривать, чтобы «зэки» беспредела не творили, не «борзели», как в Сашкином полку солдаты выражались.

И, в случае нужды, аккуратненько наводить порядок чужими руками, не засвечиваясь ни перед врагами, ни перед друзьями.

Вполне логично и разумно.

Так в чем же дело? Чего же ты, братец, на ходу решил карты смешать? Лавры Новикова покоя не дают?

Шульгин почмокал губами. Из трубочки больше не удалось извлечь ни капли. Ну и ладно. Хватит на сегодня. И вправду постараться бы уснуть. Кожа вот на лице зудит, нервирует. Ничего не поделаешь. Хочешь быть красивым, поступай в гусары.

Ну, продолжим самоанализ, что ли? Итак, отчего же ты не сказал Андрею о своих истинных планах? Он ведь все равно спорить бы не стал, по большому счету твои планы не рас-

ходятся с генеральной линией.

А просто так. Из самоуважения.

Чтобы, сколько там выйдет, полгода, год, но знать, что живешь совершенно автономно, не выполняешь ничьих предначертаний, кроме своих собственных...

Шульгин был не только умный человек, он еще и тщеславия в обычном смысле был лишен почти полностью, здраво оценивал и свои собственные достоинства и недостатки, и таковые же у Андрея. Нигде они в соперничестве не пересекались.

Каждому – свое.

Просто надоела игра на фортепиано в четыре руки.

«И все?» – спросил себя Сашка.

Ему было важно докопаться до глубин собственного подсознания. Если для успеха операции желательно знать правду о возможностях неприятеля, целях и побуждениях, которыми руководствуется твой противник, то о собственных тайных мыслях и намерениях – тем более.

«Все!» – ответил он без тени сомнения. Ни публичная слава, ни формальное лидерство его не интересовали.

Примерить на себя фрак и цилиндр графа Монте-Кристо, всего лишь.

И не допустить, чтобы без Андрея дела пошли хуже, чем при нем.

Последняя, мысленно произнесенная фраза его вдруг насторожила.

Что имеет в виду его подкорка, раз выдала эту идею? Разве Новиков куда-то делся «с концами», не находится здесь же, пусть и в тысяче-другой километров? В случае чего может вернуться на боевой пост в сей же час, все необходимое, сиречь Ирина с портсигаром и радиостанция для связи с «Валгаллой», у него под рукой. Тогда о чем же речь?

Шульгин привык доверять своей интуиции.

Раз он подумал об Андрее как о покинувшем их всерьез и надолго, тут наверняка что-то есть...

Незамеченная, вскользь брошенная Андреем фраза, которая неосознанно застряла в памяти, неучтенный, но тревожащий внешний фактор, или?..

Очередное, внушенное извне наитие?

Намек Антона, пробой из Мировой Сети?

Может показаться удивительным, что Шульгин придал такое значение не случайно мелькнувшей фразе даже, а оттенку смысла, в ней заключенного. Нормальный человек пропустил бы ее не задумавшись. Но тут – другое дело.

Слишком обширен был опыт, накопленный за...

За сколько? За год, за два или все же плюс-минус шестьдесят условных лет, чтобы пренебрегать...

Чем? Внезапным скрипом половицы в ночной тиши необитаемого дома, ощущением чересчур пристального взгляда в затылок на людной улице, отсутствием точки в конце шифротелеграммы?

Было уже подобное, в том же антоновском Замке, и лишь

постоянная бдительность и внимание к мелочам спасли их от неизвестных, но вряд ли благоприятных последствий.

Ну, ладно.

Поняв, что ответа он сейчас не найдет, Сашка решил все же заставить себя заснуть, сделав в памяти очередную зарубочку на будущее. Предпочтительнее исходить из того, что сия обмолвка все же что-то значит. Вреда не будет...

ГЛАВА 4

... Мыс Ильясбаба, прикрывающий выход из Дарданелл, отряд русских кораблей миновал уже после полудня.

Казалось бы – крайне неграмотное решение.

Любой умный человек, тем более имеющий на кораблях такие приборы навигации, как радиолокатор, ноктовизоры с разрешающей способностью до десяти миль, и прочую современную технику, постарался бы начать поход сразу после захода солнца и за десять темных часов избавиться от маскировки, несколько раз поменять курс, полным ходом проскочить к берегам Греции.

А уже оттуда спокойно, под именем «Призрака», приписанного к порту Сан-Франциско, двигаться в Суэцкий канал.

Но так поступил бы просто умный тактик. Мудрый же должен смотреть с позиций большой стратегии.

О выходе «Камелота» в море англичане наверняка знали еще из Севастополя. И уж тем более отслеживали все его перемещения в проливах. Агентуры у них достаточно, не сомневаюсь, что она есть и в наших штабах, и уж тем более в турецких.

Если бы яхта исчезла из Стамбула и нигде более не обнаружилась, последний дурак сообразил бы, в чем дело. И завтра же весь британский флот и все береговые службы, включая администрацию Суэцкого канала, принялись бы искать

подходящую по тоннажу яхту, как бы она ни называлась. И, разумеется, нашли бы очень быстро.

Поэтому план предусматривал обязательную встречу с английскими дозорами.

Пропустят – хорошо. Нет – тогда и начнется главная игра. ... Впереди двадцатиузловым ходом шла «Валгалла», обшаривая горизонт своими локаторами, ей в кильватер, отставая на четыре мили, – «Камелот», не слишком напрягая мягко урчащие под палубой турбины.

А в дальнем прикрытии, почти растворяясь в голубоватом мареве над турецким побережьем, скользил «Генерал Алексеев».

Разрисованный оливково-бурым камуфляжем, корпус линкора сливался с фоном рыжих доисторических холмов, новые турбодизели, установленные взамен паровых машин, совсем не дымили, и английские дозоры, если бы они оказались поблизости, никак не могли его заметить заблаговременно.

Зато с марсов линкора вражеский броненосный отряд успели бы обнаружить еще до того, как характерные трехногие мачты появятся над горизонтом. По гигантским султанам черного дыма.

Из оперативных данных разведцентра Берестина было известно, что в данный момент средиземноморская эскадра адмирала Джереми Садлера насчитывала восемь линкоров, шесть легких крейсеров и дюжину эсминцев, разбросанных

по базам от Суэца до Гибралтара.

Реальную опасность из них представляли четыре линкора типа «Куин Элизабет», на днях бросившие якорь в Салониках, и несколько миноносцев, несущих дозорную службу в Архипелаге.

Британцы, даже имея острое желание отомстить русско-турецкому альянсу за все пережитые унижения и за крушение практически всех планов на послевоенный период, не могли себе позволить держать эгейский отряд в большем, чем сейчас, составе.

Жечь драгоценное топливо, платить экипажам фронтовое жалованье ради того, что когда-нибудь удастся перехватить в море не то русский, не то американский пароход, – такое могла себе позволить только страна с диктаторским режимом. Парламент и свободная пресса очень скоро потребуют отчета за каждый кусок «кардифа», каждую тонну нефти и каждый переплаченный фунт стерлингов.

А ведь империи нужно «демонстрировать флаг» на всех морях: от Скапа-Флоу до Фолклендов и от Ямайки до Сингапура.

Вот и получилось, что реально контр-адмирал Садлер мог располагать всего четырьмя линкорами, но зато лучшими в Гранд Флите, последним творением великого кораблестроителя Уаттса.

Восемь 381-миллиметровых пушек, способных посылать снаряды весом в тонну почти на 20 миль, шестнадцать 152-

миллиметровых противоминных орудий, 330-миллиметровая броня бортов и башен, 25-узловый ход. И вдобавок эти острова плавающей стали были очень красивы.

Они были способны не допустить прорыва наличных русских сил за пределы Эгейского моря.

И в случае удачного стечения обстоятельств (если они не успеют ускользнуть под защиту дарданелльских батарей и минных заграждений) уничтожить.

Однако адмирал не мог избавиться от смутного ощущения дискомфорта и тревоги. Что-то в происходящем ему не нравилось.

Похоже, давила на него непонятность «черноморского инцидента». Отсутствовала достоверная информация о завязке, ходе и исходе сражения у мыса Сарыч.

Адмирал Сеймур вместе с шестью тысячами своих моряков оставался в плену, русским же официальным сообщениям Садлер не доверял (вполне обоснованно).

Каким образом слабый линкор и четыре броненосца-дредноута не просто повредили в бою, что еще как-то возможно при внезапности и особо меткой стрельбе, а принудили к капитуляции пятикратно превосходящие силы, возглавляемые смелым и опытным адмиралом? Это даже не Цусима, это гораздо хуже.

Неоднократно обсуждая со своими флаг-офицерами случившееся, Садлер пришел к выводу, что возможно только единственное объяснение.

Сеймур просто увлекся. А русский адмирал, умело маневрируя своим отрядом (талантов Колчака как флотоводца никто никогда не отрицал), заманил английские линкоры на недавно выставленное крепостное минное заграждение, после чего приказал замкнуть цепь.

Под угрозой неминуемой гибели на «минных букетах», подкрепленной налетами авиации и огнем русских линкоров по неподвижной эскадре, Сеймур предпочел спасти жизни своих людей ценой собственной карьеры и репутации.

Как русский адмирал Небогатое 28 мая 1905 года, сдавший последние четыре броненосца тихоокеанской эскадры адмиралу Того.

Кстати, Садлер, в то время командер⁵, был британским наблюдателем при японском флоте.

Сейчас ничего подобного случиться не могло. У русских всего один линкор, у Садлера четыре плюс дивизион эсминцев.

Большое преимущество в скорости хода и подавляющее – в артиллерии: 42 пятнадцати- и 64 шестидюймовки против 12 русских двенадцатидюймовых и 20 стотридцатимиллиметровок.

Если придется стрелять, шансов у русского капитана никаких. И под огонь фортов Седдильбахира британский адмирал свои корабли подвести не позволит. Две русские подводные лодки вряд ли боеспособны, и подводной угрозы то-

⁵ Капитан 3-го ранга (англ.)

же не существует.

И все же Садлер предпочел бы не ввязываться в бой. Никогда не угадаешь до конца, чего можно ждать от этих русских. Особенно в последнее время.

Хуже всего для Воронцова и Новикова было то, что так до конца и не прояснилось, рискнет ли Садлер преградить путь «Валгалле» и «Камелоту» силой.

Вернее, применит ли он оружие без предупреждения или вначале вступит в переговоры.

То, что англичане считают паролом, его командира и владельца своими личными врагами, известно было еще с прошлого года.

Как и то, что мечтают его захватить в виде хоть какой-то моральной и материальной компенсации за разгром полудивизиона эсминцев «Виттори» у Зонгулдака.

А главное, чтобы по полной разобраться с таинственным «мистером Ньюменом». Здесь совпадали интересы и Адмиралтейства, и Форин-офиса, и даже «Системы», которая, несомненно, имеет своих людей в названных организациях.

Эту задачу, по их мнению, весьма облегчало состояние Белого флота.

При всем старании адмирала Колчака (так считали англичане) не удалось до сих пор ввести в строй трофейные линкоры, причем по самой банальной причине – не хватало подготовленных моряков.

Требуемых полутора сотен офицеров и пяти тысяч матросов, способных квалифицированно обслуживать незнакомой конструкции механизмы и оружие, в Югославии просто не было.

Едва-едва удалось набрать треть нужного количества, в том числе и путем вербовки специалистов в Совдепии, досрочного производства в мичмана и старшие корабельные гардемарины эвакуированных с Дальнего Востока кадетов Морского корпуса.

Но даже и им требовалось еще не меньше полугода, чтобы изучить матчасть до уровня, позволяющего вести в бой трофейный корабль.

Полностью боеспособными являлись только «Генерал Алексеев» и «Гебен» со смешанным русско-турецко-германским экипажем.

Гордые британцы не догадывались, конечно, что и один русский линкор способен отправить на дно всю их средиземноморскую эскадру, но это уже было их проблемой, как говорится.

В случае встречи с неприятелем и его агрессивного поведения Воронцов предполагал ввязаться в бой на предельной дистанции и начать отход обратно к Босфору, отвлекая внимание от «Призрака».

Причем следует подчеркнуть, что и Новиков, и Воронцов в душе очень хотели, чтобы чванливые бритты сорвались с нрезки. Оба они, и Берестин тоже, знатоки и любители во-

енной истории, не выносили англичан.

Нет, не каждого британца в отдельности, в индивидуальном плане они были вполне ничего. А вот на национально-государственном уровне...

За все коварство и беспринципность их политической практики. За то, что они предавали и продавали всех своих друзей и союзников ради «национальных интересов».

За все сто лет предыдущей и шестьдесят лет последующей истории русско-английских отношений. За Крымскую войну, за Берлинский трактат, за войну японскую, Первую и Вторую мировые, за то, как они, прекратив быть великой державой, с каким-то даже патологическим азартом превратились в американских лакеев.

А в нынешней реальности к старым претензиям прибавились новые.

Главнейшая – как они цинично и хамски предали своего союзника по Антанте, Югославию, ради тех сомнительных благ, которые надеялись получить от Советской России Троцкого.

И сейчас появился шанс рассчитаться за все, используя именно их способы и методы.

Кто-то назовет это провокацией?

Да ради бога.

... Накануне выхода из Севастополя «Камелота» и «Валгаллы» посол Югославии в Лондоне тайный советник Гире получил телеграмму от Верховного правителя Врангеля, ад-

ресованную премьер-министру и одновременно парламенту. Формально она не являлась нотой, а так чем-то вроде писем, которыми Сталин обменивался с Черчиллем и Рузвельтом.

В ней сообщалось, что являющаяся законной правопреемницей Российской империи республика Югороссия, верная своим союзническим обязательствам и традиционному боевому братству, обильно политому кровью в минувшей войне, предлагает забыть имевшиеся в недавнем прошлом досадные недоразумения, создать согласительную комиссию как для расследования имевших место инцидентов, так и для примерного наказания виновных в их возникновении.

Далее предлагалось возобновить старые или заключить новые союзы на взаимоприемлемых условиях.

Но обязательно включающих все позиции, которые России полагались по тайным договоренностям 1915 – 1917 годов. В части, касающейся нынешнего стратегического положения Русского государства.

Ежели же правительство и парламент не в состоянии воздействовать на экстремистские, враждебные историческим интересам высоких договаривающихся сторон круги в своей стране, то гораздо более свободное в своих действиях Югоросское правительство предупреждает: любая попытка ущемить интересы означенной республики получит адекватный ответ, вина за последствия которого ляжет на непосредственных исполнителей.

Кроме того, посол Гире получил инструкцию разъяснить смысл настоящей ноты Ллойд-Джорджу хотя бы и на пальцах. (В том смысле, что разгром броненосного отряда адмирала Сеймура в районе Крыма было всего лишь показательной акцией.)

Следующий ответ на неспровоцированную агрессию будет гораздо резче. (Тут, в зависимости от реакции собеседника, разрешалось намекнуть на Синоп и Петропавловск.)

Кроме того, послу поручалось обеспечить достаточно широкую утечку смысла русских предложений в независимую от властей прессу.

Практически дословное изложение послания каким-то образом, и довольно быстро, попало и в большинство газет континента, где, а особенно в Германии, было прокомментировано с нескрываемым злорадством.

Чересчур много о себе понимающих не любят нигде.

Реакция британского правительства и широкой общественности была вполне предсказуемой.

Правда, комментаторы и парламентские «ястребы» не задумались об очевидном.

Пример житейского уровня: любой умный человек, на которого вдруг отвязался бы хулиганистый подросток в темном переулке, непременно задался бы вопросом – а чего вдруг этот вот сморчок высовывается, размахивает кулаками и матерно ругается?

Нет ли у него кистеня в рукаве или компании крепких

дружков за утлом? Кто неспособен так подумать и должным образом отреагировать, достоин своей судьбы.

С англичанами дурную шутку сыграл факт победы в мировой войне и наполеоновского плана мысль, что наличие двух десятков линкоров и сотни эсминцев позволяет плевать через губу на тех, у кого линкоров всего пять, а эсминцев десять.

Еще к немцам они относились с определенным почтением, особенно когда не сумели выиграть (с бесспорным результатом) у них ни одного серьезного эскадренного сражения.

А уж русский флот и в грош не ставили. И даже последние события на британский кураж не повлияли.

ГЛАВА 5

Капитану первого ранга Остелецкому, командиру линкора «Генерал Алексеев», очень нравился его корабль после модернизации, хотя капитан не до конца понимал, каким образом все было сделано.

И почему так быстро.

В царское время постройка (и многочисленные переделки на стапеле) броненосца «Андрей Первозванный», на котором он начинал свою службу, заняла почти семь лет. А здесь управились за полгода.

До переоборудования «Генерал Алексеев» тоже был неплохим кораблем (для 1913 года, когда его спустили на воду). Правда, по некоторому недоразумению его называли линкором, хотя на самом деле он был первым в мире тихоходным линейным крейсером с линкорным вооружением. Опасности он не представлял даже для одиночного супердредноута типа той же «Куин Элизабет», поскольку имел ход 23 узла против 29 и двенадцать 305-миллиметровых пушек против десяти 381 -миллиметровых.

И его тонкая броня пробивалась пятнадцатидюймовыми снарядами с любой дистанции.

Зато теперь, как справедливо считал Остелецкий, линкор был наверняка сильнейшим кораблем в мире, невзирая на то, что лишился половины своей артиллерии.

Кормовую двенадцатидюймовую башню срезали совсем, на ее месте оборудовали вертолетную палубу, а в подбашенных помещениях и снарядных погребах разместили ангар для шести боевых вертолетов «Ми-28», мастерскую техобслуживания, цистерны с горючим и склад боеприпасов.

Из третьей башни извлекли колоссальные пушки, их место заняли системы наведения и пусковые установки для противокорабельных ракет «Москит», каждая из которых при удачном попадании могла утопить вражеский линкор на дистанции в пятьдесят миль.

Только первая и вторая башни сохранили свое штатное вооружение, но оснащенное новыми боеприпасами. Теперь пушки могли стрелять на 200 кабельтовых вместо прежних 120, а боекомплект включал в себя обычные бронебойные и фугасные снаряды, а также управляемые активно-реактивные, головки самонаведения которых обеспечивали точность попадания минимум 95 процентов. Использовались эти пушки по принципу «выстрелил – забыл».

Если же учесть, что измененная форма форштевня и дизели мощностью в 150 тысяч лошадиных сил позволяли линкору развивать тридцатиузловую скорость, уверенность капитана в непревзойденных качествах своего корабля имела под собой все основания.

Каким образом действуют все эти новинки и откуда они взялись, каперанга не слишком заботило. Он был человеком того странного времени, когда прогресс вдруг рванул вперед

с неудержимостью призового рысака.

Начиная с середины девяностых годов XIX века, то есть когда юный Павлик Остелецкий собрался поступать в шестую роту (то есть в первый класс, по-штатски выражаясь) Морского корпуса, технические новинки посыпались буквально как из рога изобилия.

Боевые корабли устаревали не только на стапеле, а еще в процессе конструирования, неизвестно откуда появились телефоны, беспроводный телеграф, аэропланы, пулеметы, подводные лодки и тому подобное.

Гардемарином Остелецкий ходил на номерных миноносцах, с трудом выгребавших по двадцать узлов, а лейтенантом уже присутствовал на испытаниях «Новика», показавшего мировой рекорд 37,3 узла на мерной миле.

Да и тот же «Генерал Алексеев» («Императрица Екатерина Великая»), вступивший в строй всего-то пять лет назад, не шел ни в какое сравнение с «Полтавой», на которую каперанг выпустился мичманом накануне японской войны.

Так что удивляться хоть чему-нибудь Остелецкий считал делом никчемным.

Другое дело, что и изучать новомодную технику каперанг не собирался. Чтобы управлять кораблем с мостика, знаний и опыта хватало, а возятся с радиолокаторами и баллистическими вычислителями пусть молодые, вроде того же лейтенанта Белли, недавно назначенного, несмотря на малый чин, командиром носового плутонга главного калибра.

Самое же большое удовлетворение капитан испытывал от того, что совсем не далек тот день, когда можно будет расчитаться с Великобританией за все сразу и окончательно.

А претензий к бывшим союзникам у Остелецкого накопилось как бы не больше, чем у весьма им уважаемого адмирала Воронцова. И личных, и общегосударственных.

Что интересно, против немцев и турок, с которыми воевал четыре года, каперанг ничего не имел, испытывал даже определенное уважение, вспоминая, как с переменным успехом они гонялись друг за другом между Севастополем, Одессой, Стамбулом и Батумом.

А вот англичане... Остелецкого злило в них все: чопорность, надменность, скупость, бенедиктинская скромность (это когда считаешь себя умным, а всех остальных дураками), коварность, склонность к предательству и многое другое.

В счет шла и наглая, демонстративная поддержка японцев в прошлую войну, и циничное лавирование между белыми и красными, попытки аннексировать Кавказ и Среднюю Азию.

Предварительный реванш состоялся в бою у мыса Сарыч. Теперь же каперанг вынашивал, тщательно продумывал план второго средиземноморского похода, считая первым кампанию адмирала Ушакова в 1799 году.

Дождаться ввода в строй всех пяти трофейных линкоров, обновленных так же, как «Генерал Алексеев», в скоротечном морском бою (новой Цусиме) разгромить средиземно-

морскую эскадру Садлера, вновь вернуть России острова Архипелага, Корфу и Мальту, а там, чем черт не шутит, взять Гибралтар и Суэц.

Установить на Гибралтарской скале ракетные батареи, построить аэродромы, завалить вход и выход из канала управляемыми неконтактными минами...

И пусть «Владычица морей» делает, что хочет. Общих сухопутных границ с Югороссией у нее нет, а строить новый флот, способный соперничать с русским, – пупок развяжется.

Этими планами Остелецкий аккуратно делился с надежными товарищами и встречал полное понимание и сочувствие. Даже Колчак, пожевав тонкими губами, рассматривая тщательно разрисованную каперангом карту будущего ТВД, не сказал ничего.

Для начала и это немало. Не отбросил карту, не обозвал план ерундой или опасным бредом, а всего лишь промолчал.

Когда-то ведь и он сам, примерно в возрасте Остелецкого, кстати, втайне от высшего командования разрабатывал планы минной войны на Балтике и захвата Босфора и Дарданелл в пику опозорившимся в шестнадцатом году англичанам.

Только своим покровителям, Воронцову, Новикову, Берестину, обеспечившим победу в Гражданской войне, «черноморскую викторию», освобождение Турции, спасшим Колчака, оснастившим армию и флот «оружием возмездия», каперанг не говорил ничего.

Скорее всего потому, что не понимал их целей и намерений. Или просто боялся «данайцев, дары приносящих»?

Сегодня они за нас, а завтра их планы неожиданным образом изменятся, и что тогда?

... Гудок телефона в боевой рубке, и офицер-радиометрист доложил, что по курсу зюйд-вест 250 на расстоянии 25 миль обнаружены четыре цели, предположительно – вражеские линкоры или тяжелые крейсера. Тяжелых крейсеров у англичан нет, французы здесь объявиться не могли – значит, мистер Садлер пожаловал.

Остелецкий машинально поднес к глазам бинокль и тут же опустил. Ну конечно, корабли еще скрываются за кривизной моря.

– Подверните на восток еще градусов десять, – приказал он вахтенному начальнику, – и прибавьте ход до 25 узлов. А я поднимусь наверх...

По узкому трапу внутри мачты каперанг взобрался в командно-дальномерный пост, заполняющий своими приборами почти весь внутренний объем боевого формарса.

Два дальномерщика, радиометрист, артиллерийский корректировщик потеснились, вжимаясь плечами в броневые стенки. Пятому человеку в КДП поместиться было трудно.

Остелецкий прижался лицом к нагретому каучуку окуляров шестиметрового дальномера.

Картинка на экране радиолокатора его не интересовала. А здесь все весьма наглядно – мощная оптика сорокакратно сжала пространство, и у самого горизонта обозначились черные мазки дыма. Каперанг подвернул барабанчики настройки, сводя воедино половинки растрового кольца. Полупрозрачные, будто вырезанные из голубого целлулоида, силуэтики кораблей стали отчетливее.

Листать справочники Джена каперангу было ни к чему. Он все давно знал наизусть. Она самая, «Королева» со своей свитой.

... Остелецкий чуть повернул дальномер, все поле зрения заполнила идущая двенадцатиузловым ходом «Валгалла». На ее левом траверзе держалась яхта, старательно дымящая из высокой медной трубы.

– Передайте на пароход, – скомандовал каперанг радиоофицеру, – обнаружил на вест, дистанция 250 кабельтовых, английскую линейную эскадру. Начинаю действовать согласно плану прикрытия...

Офицер торопливо забормотал в микрофон, сдернул с головы наушники.

– Господин каперанг, ответ с парохода: «Спасибо. Ясно вижу. Действуйте по плану. Конец связи».

– Так точно. Исключительно по плану, – ответил Остелецкий, ни к кому не обращаясь.

Ему страсть как хотелось увидеть в серьезном деле, а не на полигоне, так ли эффективны ракеты, ради которых при-

шлось пожертвовать шестью надежными двенадцатидюймовками.

— А ну, лейтенант, передайте на волне англичан: «Капитан Остелецкий приветствует в наших водах британский флаг и приглашает адмирала в гости на борт «Генерала Алексеева». Приятную беседу гарантирую, но от опрометчивых действий против русских кораблей предостерегаю».

Ответа на свое приглашение Остелецкому пришлось ждать довольно долго. В это время он маневрировал, стараясь, чтобы его линкор, как бы перекрывая англичанам путь к норду, в сторону проливов, и к весту, куда ушли «Валгалла» с яхтой, оставался за пределами досягаемости мощной неприятельской артиллерии.

При нескольких удачных попаданиях «Алексеев», слишком слабо защищенный броней, мог потерять все свои преимущества.

Наконец ему передали распечатку телеграммы английского флагмана:

«Благодарен за приглашение. Ничего не имея против вас лично, вынужден руководствоваться реальным положением дел. До урегулирования существующего конфликта на государственном уровне считаю необходимым предупредить: ваше вмешательство в действия эскадры против пиратских судов «Валгалла» и «Камелот», которые по всем существующим законам подлежат задержанию и интернированию, будет расценено как враждебное со всеми вытекающими по-

следствиями. Адмирал флота Его Величества Джереми Садлер».

– Еврей, наверное, – сказал Остелецкий, прочитав отпечатанную на розовом служебном бланке телеграмму.

О Садлере как о личности он не знал ничего, кроме того, что достаточно молодой адмирал, служивший по преимуществу в колониях, был назначен на нынешний пост после позорной сдачи в русский плен адмирала Сеймура. И, естественно, был настроен против русских подчеркнуто агрессивно.

– Передайте, – сказал он офицеру, – и ответа больше не ждите. Можете вообще отключить радио. Только дословно: «Немедленно разворот на шестнадцать румбов – воля. Первый ваш выстрел – уже неволя. Бой – смерть».

Это Остелецкий с некоторыми изменениями процитировал известный ультиматум Суворова коменданту крепости Измаил. Он не был уверен, что англичанин знаком с первоисточником, но догадывался, что подобный ответ вызовет нужное действие.

Сначала разъярить противника до потери инстинкта самосохранения, а уже потом...

Остелецкий уже ступил на трап, собираясь переместиться в боевую рубку для руководства дальнейшими событиями. Судьбы адмирала Витгефта, из своего фатализма приведшего русский флот к крупнейшей в его истории катастрофе, он повторять не желал.

Сражением лучше руководить из-за трехсотмиллиметровой брони, нежели сидя на открытом мостике в бамбуковом кресле.

«Генерал Алексеев», до предела форсируя дизели, отчего все его двадцать три тысячи тонн броневой стали вибрировали так, что казалось, вот-вот начнут вылетать заклепки, разворачивался к зюйд-весту, перекрывая возможный маневр эскадры адмирала Саддера.

Британский адмирал неожиданно ощутил в районе желудка сосущую пустоту. Он никогда бы не признался в этом никому на свете, но сам-то знал свой организм. Это – страх.

Иррациональный, вызванный предчувствием чего-то очень нехорошего. Возможно, даже близкой смерти. Если бы он полностью принадлежал самому себе, то, пожалуй, и послушался совета русского «коммодора». Развернуть эскадру, уйти в Пирей, а то и сразу в Александрию. Какое ему дело до этих русских парней с их собственной геополитикой.

Пусть каждый сам хоронит своих мертвецов.

Но как быть с недвусмысленными, хотя и сказанными не в виде приказа, а убедительного намека словами Первого лорда?

– Ваши вице-адмиральские нашивки в вашем кармане, дорогой Джереми. Не перепутайте, в каком именно...

И все же Садлер еще колебался. Пока на крыло мостика флагманского линкора не взбежал уорент-офицер с красным

бланком радиограммы.

– Опять что-то пишет этот капитан с языколомной фамилией? – осведомился Садлер, щурясь не то от лучей закатного солнца, не то от попавшего в глаз дыма парагвайской сигары.

– Никак нет, господин адмирал, сэр! Это радио от кептена⁶ Дарфа.

Командир дивизиона эсминцев, державший свой флаг на лидере «Вэндерер», сообщал, что только что предпринял попытку задержать на траверзе острова Лемнос яхту «Камелот», идущую под неизвестным флагом.

В ответ на флажный сигнал с предложением остановиться и предупредительный выстрел яхта открыла ответный огонь. С норд-оста явно на помощь яхте большими ходами движется белый пароход. Очевидно, «Валгалла».

Кептен спрашивал инструкций на дальнейшие действия. Садлер выругался.

Командир эсминцев имел четкий приказ. Если «Камелот» и «Валгалла» будут следовать под американским флагом, задерживать без разговоров, не останавливаясь перед применением силы.

Американское правительство давно уже сообщило, что рассматривает владельца парохода Ньюмена как исключительно частное лицо и не распространяет на него принцип экстерриториальности.

⁶ Кептен – капитан 2-го ранга (англ.)

Если под русским коммерческим – постараться задержать без боя под предлогом досмотра на предмет военной контрабанды, поскольку на Кипре все еще продолжается греко-турецкий конфликт.

И только если эти суда будут нести Андреевский флаг, следует обращаться к нему, адмиралу, для принятия политического решения.

Но теперь-то чего спрашивать? Раз яхта под неизвестным флагом, да еще и отстреливается...

– Ответьте. – Садлер начал диктовать уорент-офицеру: – «Яхту постараться захватить неповрежденной, с пароходом поступить в соответствии с ранее полученным приказом. Меняю курс, иду к вам».

Не успел первый радист козырнуть и повернуться «кругом», как по трапу загредел подкованными ботинками второй. Тоже с радиограммой. Теперь действительно от «Capten Osteleskiy».

Писал русский капитан небрежным, даже неуважительным стилем: «Дорогой адмирал. Ваши парни открыли огонь по мирным российским судам. Немедленно иду к ним на помощь. Вам в последний раз советую не вмешиваться. В противном случае вся тяжесть последствий ложится на вас. О происходящем немедленно докладываю в Севастополь и Константинополь, вашему послу. Прошу подтвердить время получения данной телеграммы. Сверим часы. На моих 17. 33 по среднеевропейскому. И да поможет нам Бог».

ГЛАВА 6

В итоге косметические операции и еще кое-какие дела, неожиданные, но оказавшиеся неотложными, заняли еще два полных дня.

И только на четвертый, считая с момента прощания с «Призраком», Шульгин, лично усевшись за руль, выехал на знакомую дорогу.

В прошлом году он гонял по ней почти ежедневно из Севастополя на размещавшуюся поблизости стоянку «Валгаллы».

Знаменитый путешественник-автомобилист, которым являлся сэр Ричард Мэллони, не должен доверять столь ответственное дело, как промежуточный финиш на маршруте международного автопробега, даже собственному слуге, хотя бы всю остальную часть пути он провел на пассажирском сиденье.

Прибытие экипажа в Севастополь выглядело импозантно и, несомненно, собрало бы несметную толпу зевак.

Если бы не раннее утро, по-прежнему дождливо-туманное, да к тому же и воскресное, когда обыватель счастлив возможностью взглянуть в едва посветлевшие, заплаканные окна, сообразить, что сегодня ни на службу, ни в лавку идти не нужно, перевернуться на другой бок, взбив предварительно умявшуюся за ночь подушку, и вновь смежить веки.

А так его могли наблюдать лишь редкие прохожие, неизвестно по какой надобности оказавшиеся в этот час на улицах. Но и случайному очевидцу было ясно, что покрытый разводами и брызгами грязи автомобиль-полугрузовик под мокрым зеленым тентом, навьюченный четырьмя запасными колесами, канистрами с бензином, пристегнутыми к бортам топором, ломом, лопатой, еще какими-то нужными в дороге приспособлениями, проделал долгий и трудный путь.

Однако уверенно сжимающий массивную баранку господин в клетчатом костюме-гольф, рыжих шнурованных ботинках на каучуковой подошве в три пальца толщиной, пробковом шлеме с опущенным подбородным ремешком и поднятыми на лоб очками-консервами явно выглядел бодрым и полным сил.

Притормозив возле стоящего на перекрестке городского, укрывающегося от непогоды под желтой клеенчатой накидкой с остrokонечным капюшоном, он вежливо поднес два пальца к полям шлема и на ломаном русском языке осведомился, где есть наилучший в городе отель.

– Гостиница, что ль? – проявил познания в языках полицейский, судя по возрасту, усам и значительному выражению лица – не меньше чем урядник чином.

– О, йес, так будет правильно, гостиница.

– Иностранец, понятное дело, – объяснил сам себе городской. – Откуда прибыть изволили?

– Индия, Бомбей.

– Индеец, значит. А документы есть?

– Есть, есть, – заверил Шульгин. – Паспорт, визы, печати – все есть.

– Хорошо, хорошо, коли так. А в участке все равно отметиться надо. Вот устроитесь в гостинице – и пожалуйста в участок. Тут недалеко, за углом. Не позднее как в двухдневный срок, потому Севастополь не просто город, а Главная база флота. Ферштеен? – козырнул урядник очередным познанием.

– А как же... – на секунду позволил себе выйти из образа Шульгин. – То есть – йа, натюрлих!

– То-то же. А гостиница для вас самая подходящая... – городской еще раз окинул Шульгина взглядом от шлема до ботинок, будто оценивая его платежеспособность, – наверное, «Морская» будет. Вот так вот прямо три квартала, и сразу справа и увидите. Во-он, где шпиль с флажками...

– Спасибо, мистер городской... – Шульгин кивнул слуге, и тот, порывшись в большом желто-пятнистом бумажнике из кожи кобры, протянул уряднику серебряный полтинник.

Сашка строго кашлянул, Джо недовольно поморщился и дал еще один.

– Благодарствуйте, мистер индеец. – В словах городского Шульгин уловил скрытую иронию. Не так и прост этот служака.

Да, впрочем, кто сейчас прост в стране, пережившей за шесть лет мировую и Гражданскую войны, две революции и

удачную контрреволюцию?

Зачем Сашка вступил в разговор, если великолепно ориентировался в городе и сам направлялся именно в ту самую гостиницу, что рекомендовал ему полицейский? Из желания немедленно проверить, достаточно ли убедительно он выглядит в роли иностранца, или с более далекой целью?

И то и другое побуждение имело место, но скорее – второе. Законопослушному европейцу, впервые попавшему в незнакомый город, вполне естественно осведомиться о дороге у представителя власти.

Одновременно он как бы уже предварительно отметилсЯ в полиции и создал себе «положительный имидж». Простимулированный серебряным рублем городской непременно доложит о факте прибытия путешественника по начальству, причем – в благожелательном тоне.

Для чего конкретно Шульгину нужна благосклонность местных околоточного и пристава – ему самому было пока неясно, но мало ли что еще может случиться в «чужом» городе?

... Золотые часы в жилетном кармане мелодично отзвонили десять.

В ресторанчике, и всего-то на восемь небольших столиков, в сей ранний час оказалось только двое посетителей: сам Сашка и еще один, достаточно импозантный мужчина, завтрак которого явно не соответствовал российским вкусам и обычаям. Британским, впрочем, тоже.

Сэр Ричард, к примеру, с которым Шульгин все больше себя отождествлял, заказал себе яичницу с салом (за неимением на кухне настоящего бекона), рюмку водки и большую чашку кофе.

А этот человек трудился над солидной тарелкой сосисок с тушеной капустой, запивая их не чем иным, как пивом.

Вот этим он сразу и заинтересовал Шульгина, хотя в остальном ничего особенного в сорокалетнем примерно мужчине прибалтийской внешности, одетом в не слишком новый, но аккуратный морской китель с блестящими пуговицами, не было.

На то и портовый город, чтобы каждый второй или третий его обитатель имел отношение к морю. Прямое или опосредствованное, в настоящем или в прошлом – неважно.

А многие, такого отношения не имеющие, по нужде или из щегольства тоже обряжаются в форменные одежды, приобретенные тем или иным способом.

Но еще что-то, кроме кулинарных пристрастий, отличало этого человека от вышеозначенных категорий.

Прежде всего – он явно нерусский. В смысле не национальности, а подданства. Постоянно проживающий в России, хоть латыш, хоть немец или турок, держится совершенно иначе. И взгляд у него другой, и выражение лица, и манера обращаться к официанту.

Во-вторых – человек он явно состоятельный, раз завтракает (не обедает и не ужинает) в достаточно дорогом заведе-

нии, в-третьих – служил раньше, а то и служит до сих пор в военном, отнюдь не торговом флоте, и в немалых чинах.

Судя опять же по выражению лица. И – качеству ткани на кителе. Возможно, был командиром корабля.

И в заключение этого короткого сеанса дедукции Шульгин пришел к силлогизму: господин этот не иначе как немец. Бывший офицер кайзеркригсмарине⁷.

В таком случае что он здесь делает?

По своей прежней должности Сашка знал, что никаких официальных контактов с некогда могучим, а после Версаля впавшим в полное ничтожество германским флотом врангелевское правительство и командование Черноморского флота не поддерживает. Неофициальных вроде бы тоже.

Странствует по собственной надобности? Надеется предложить свои услуги в качестве волонтера? Ну не шпионит же, не сняв мундира?

Не тот ли это самый человек, о котором ему сообщил на днях Кирсанов?

Хорошо бы, но не слишком ли велика удача – в первые же два часа решить проблему, на которую он отводил минимум несколько дней?

Но кто же этот незнакомец? Капитан цур Зее⁸ в отставке, завербованный «Системой», или действующий сотруд-

⁷ Кайзеркригсмарине – имперский военно-морской флот Германии до 1918 года.

⁸ Капитан цур Зее – капитан 1-го ранга (нем.)

ник германского главморштаба, избравший, в полном соответствии с заветами Честертона, наиболее надежный способ маскировки: «Где ты спрячешь опавший лист? В лесу...».

Ну а если это просто обыкновенный торговый моряк, которого послевоенная безработица заставила покинуть родину в поисках случайного заработка в стране, которая испокон веков давала немцам приют и возможность успешной карьеры?

Тоже не беда, такое знакомство тоже может оказаться полезным... Неизвестно пока, зачем именно, но может.

Шульгин, благо заказ ему еще не успели принести, сложил газету, пересек разделяющий его и моряка проход между рядами столиков.

– Прошу меня извинить, – обратился он к незнакомцу по-немецки, каковым языком с некоторых пор владел в совершенстве, «изучив» его, как и десяток других, особо полезных для странствований по миру, с помощью прямого наложения информации на соответствующие области мозга.

Только языковой практики у него пока не было, и фразы Сашка строил с видимым усилием.

– Позвольте представиться – Ричард Мэллони, путешественник. Прибыл в Севастополь лишь сегодня и, увидев в вас европейца, не смог не подойти. Надеюсь, вы окажете любезность ввести меня в курс происходящих здесь событий и местных обычаев с большей объективностью и непредвзятостью, нежели... аборигены.

Моряк, не предлагая присесть, смотрел на непрошеного визитера снизу вверх, слегка щуря светло-голубые, льдисто поблескивающие глаза. Без всякого радушия.

Выдержал продолжительную, на грани приличия паузу, после чего ответил суховатым ровным голосом:

– Англичанин? Не люблю англичан, особенно после известных событий восемнадцатого-девятнадцатого годов.

«Капитан» явно имел в виду интернирование германского флота с последующим затоплением в Скапа-Флоу, а также условия Версальского мирного договора, фактически запретившие Германии иметь современные военно-морские силы.

– Впрочем, садитесь. Лично со мной английские офицеры обращались достаточно вежливо в плену, к счастью – непродолжительном. Корветтен-капитан⁹ в отставке Гельмут фон Мюкке, к вашим услугам.

– Благодарю. Считаю нужным отметить, что я не англичанин в том смысле, который вы имеете в виду, а новозеландец шотландского происхождения. Это вам о чем-либо говорит? Кроме того, в мировой войне я не участвовал. Если угодно – по принципиальным соображениям.

– В чем же ваши принципы? – Капитан, похоже, заинтересовался странным, на его взгляд, господином.

В зале появился официант с подносом. Шульгин щелчком пальцев привлек его внимание и указал кивком, что завтрак следует подать за этот столик.

⁹ Корветтен-капитан – капитан 3-го ранга (нем.)

– Надеюсь, вы не торопитесь? Мы можем поговорить, благо погода располагает как раз к неспешной беседе. Разрешите предложить вам рюмочку коньяку? Или русской водки?

– С утра? Впрочем, погода действительно не совсем подходящая для прогулок. И порция кофе с коньяком отнюдь не повредит. Кстати, должен отметить, что ваш немецкий язык весьма хорош. Такое впечатление, что вы обучались как бы не в Гейдельберге... Хотя, конечно, чувствуется, что он для вас не родной.

– Увы, нет. В ваших университетах я не обучался, язык же выучил самостоятельно. В моих странствиях много где приходилось бывать, в том числе и в Германии, и в германской юго-западной Африке. До войны, разумеется... Так вот, о моем, если угодно, «пацифизме»...

Тут как раз в зал заглянул мальчишка-газетчик:

– «Утро России», самые свежие новости! Очередная победа русского флота! Британцы обращены в бегство! Яхта взорвалась, два генерала погибли! «Утро России», экстренный выпуск, только здесь! Покупайте «Утро России»!

Шульгин сунул мальчишке гривенник, подхватил почти брошенный ему сырой от свежей типографской краски и густого тумана лист.

Хотя и представлял он, что сейчас прочитает, газету развернул с некоторым волнением. Не каждый день и не каждому приходится читать собственные некрологи.

Крупными литерами заголовок: «Снова война?»

Под ним текст:

«По сообщению собственного корреспондента газеты из Царьграда. Третьего дня около 16 часов в Эгейском море произошло столкновение отряда боевых кораблей средиземноморской эскадры Великобритании с выполняющим практическое плавание линкором «Генерал Алексеев». Наш корреспондент пока не располагает исчерпывающей информацией, но, по предварительным данным, меткая стрельба артиллеристов линкора заставила противника в замешательстве отступить. Официального подтверждения из российских и британских источников пока не поступило.

Кроме того, сообщается, что в районе схватки оказалась принадлежащая известному в Югории генералу А.Д.Новикову, герою победоносно завершившейся Гражданской войны, принесшей столько бедствий нашему несчастному народу, кавалеру ордена Святого Николая-Чудотворца 1-й степени, яхта «Камелот», которая, по слухам, направлялась к берегам Африки.

Есть сведения, что яхта была потоплена торпедой с английского миноносца.

Редакция в настоящее время не располагает списком лиц, находившихся на борту «Камелота», но есть основания полагать, что, кроме генерала Новикова с супругой, морское путешествие намеревался совершить не менее известный генерал Русской армии, многих орденов кавалер А.И.Шульгин.

Если это действительно так, то молодая югороссийская демократия понесла воистину невосполнимую потерю.

Остается только надеяться, что слухи не подтвердятся и в скором времени мы получим известие о результатах ведущихся всеми наличными силами флота и частных лиц поисков потерпевших.

В ближайшее время мы опубликуем подробнейшие и, как всегда, достоверные сведения о случившейся трагедии».

Шульгин отложил газету.

Все правильно. Значит, скрытный прорыв блокады не удался и Андрей сработал по второму варианту. Стиль заметки, конечно, тяжеловат, излишне многословен и, по большому счету, малоинформативен. Но так и задумано. 90 процентов прочитавших ее останутся в полной уверенности, что все означенные персоны покинули сей мир в дыму и пламени взрыва.

И в то же время ничего определенного не сказано.

И вашим, и нашим. Слово сказано, теперь следует замолчать.

Соответствующие службы деликатно намекнут редакторам всех заслуживающих внимания газет, что дальнейшие публикации на эту тему нежелательны до завершения официального расследования, и – «вот все об этом человеке».

Сейчас Шульгин испытывал только облегчение. И еще – несколько тревожную радость, как человек, отправляющий-

ся в долгожданное путешествие, которое обещает быть увлекательным, но и опасным. Да так ведь оно и было на самом деле.

... В ближайшие полчаса новые знакомые успели обсудить не только перспективы очередного русско-британского конфликта, но и целый ряд вопросов ближайшей истории и текущей мировой политики, причем Шульгин старался вести разговор так, чтобы неявным образом внушить фон Мюкке мысль о собственном германофильстве, неприятии не только итогов мировой войны, но и самого вектора англо-германских отношений последнего полувека.

И тем самым заставить его разоткровенничаться, сказать что-нибудь существенное о себе и целях пребывания в русской военно-морской столице.

Психологом, как уже упоминалось, Шульгин был весьма приличным, усилившийся снаружи дождь с ветром делал саму идею покинуть уютный зал ресторана донельзя отвратительной, следующие одна за другой хрустальные рюмочки поднимали тонус и развязывали языки, и в результате фон Мюкке начал все же говорить преимущественно о себе. Что и требовалось.

Вначале, правда, отставной корветтен-капитан предложил пересесть за другой столик, скрытый за колонной, подальше от посторонних глаз и поближе к источающей столь желанное тепло кафельной печке-голландке.

Таковых, к слову сказать, здесь было совсем немного: два – официанта, два – метрдотеля и один – буфетчика, носившего черную повязку наискосок испятнанного пороховыми ожогами лба.

Кто вообще в России ходит в рестораны между завтраком и обедом?

Зато отсюда отлично было видно бухту и размытые дождем силуэты старых броненосцев на мутной, покрытой барашками пены воде.

Фон Мюкке потребовал, чтобы подали кофе, особый, «четверной», сваренный по тут же продиктованному капитаном рецепту, и еще графинчик коньяка.

Шульгин выложил на стол кожаный футляр. *Порт-сигар* в буквальном смысле, а не узурпировавшее благородное название алюминиевое или серебряное вместилище плебейских папирос.

– Вот видите эти остатки некогда могущественного российского императорского флота? – спросил немец со странной печалью в голосе. – Так вот я – тот человек, который первый поднял на их стенах морские флаги кайзера.

– Каким это образом? – удивился Шульгин.

– Хотите – верьте, хотите – нет, но я лично захватил в плен весь русский черноморский флот, не считая кораблей, успевших уйти в Новороссийск. За что был удостоен Рыцарской короны к Железному кресту и произведен в корветтен-капитаны.

– Не мало ли? – удивился Шульгин. – За такой подвиг вас следовало сделать не менее чем капитаном цур Зее. Если не адмиралом.

– О чем вы говорите, – махнул рукой фон Мюкке. – Не то было время. Да и русский флот фактически уже и так капитулировал исходя из условий Брестского мирного договора. Но тем не менее в историю этот факт войти должен... – Он начал рассказывать, как летом 1918 года командовал Дунайской полуфлотилией катеров и совершил по собственной инициативе отчаянный бросок из устья Дуная в Крым, на несколько часов опередив сухопутную армию...

Между тем мельком сказанные слова капитана о посторонних глазах почти немедленно претворились в жизнь.

В зал вошли двое мужчин, сравнительно молодых, один в широком клетчатом пальто и ботинках с крагами, другой в обыкновенной, по сезону, офицерской форме без погон.

Страхнули с головных уборов дождевые капли, по-своему, будто ежедневно тут бывали, прошли к буфету, выпили у стойки по хорошему стаканчику местной водки, закусили бутербродами с балыком, непрерывно о чем-то говоря, быстро, громко и посмеиваясь, после чего удалились.

Однако всего один, мгновенный, но, безусловно, профессиональный взгляд в свою сторону Сашка уловил.

Тут ему уже никакие дополнительные симптомы не требовались. Инфицирован его клиент, самой популярной в этом

мире бациллой инфицирован.

Слава богу, так бы просто все остальные диагнозы устанавливались...

... Поскольку после окончания войны доблестный капитан фон Мюкке ничем особенным себя проявить не имел возможности, его рассказ естественным образом обратился к прошлому, и Шульгин узнал много интересного о рейде знаменитого крейсера «Эмден», о его последнем бое, чудесном спасении тогда еще лейтенанта фон Мюкке с частью экипажа, долгом пути на парусной шхуне от Кокосовых островов до Красного моря, пешем переходе через Аравию и Турцию, стычках с отрядами диких, проанглийски настроенных бедуинов и, наконец, о триумфальном возвращении в Берлин зимой 1915 года.

Вполне пристойный сюжет для какого-нибудь Сабатини, дань памяти последним корсарам-рыцарям, на смену которым пришли беспринципные и жестокие адепты неограниченной подводной войны.

Причем, судя по всему, немец не врал. Об «Эмдене» Шульгин читал давным-давно, но, естественно, в советской трактовке, не оставлявшей места сколько-нибудь положительным оценкам действий «исторического врага».

– И отчего бы вам не описать все, что вы мне рассказали? – поинтересовался он, срезая гильотинкой кончик очередной сигары. – Может получится увлекательный авантурный ро-

ман. Особенно если отойти от слишком конкретной привязки к реалиям...

– Я пытался, – в голосе капитана прозвучало сожаление, – но в таланте беллетриста мне, очевидно, отказано. Получается не более чем отчет для адмирал-штаба, каковой я и так в свое время представил по команде, отчего имел определенные неприятности, поскольку мои оценки и рекомендации по ближневосточным делам разошлись с точкой зрения министерства иностранных дел. Вот если бы найти подходящего соавтора... Но что это мы все обо мне да обо мне? В вашей жизни, мне кажется, тоже есть немало интересного и поучительного. Разве не так?

– Пожалуй, и мы непременно поговорим и об этом. А пока мне крайне любопытно услышать завершение вашей истории. Что, наконец, привело вас снова в Севастополь? Единственно сентиментальные воспоминания и желание вновь пережить ощущение былого триумфа?

Сашка знал, что разговор на родном языке в чужой стране плюс солидная доза спиртного расслабляют почти любого, а немец явно не был профессиональным разведчиком.

– Да, разумеется, нет! – Несмотря на вполне приличное для немца количество выпитого, фон Мюкке выглядел почти совершенно трезвым.

Именно почти, поскольку наметанный глаз Шульгина видел, что на самом деле капитан «хорош», просто привычка к самоконтролю позволяет ему говорить связно и координи-

ровать движения.

Ну и несколько чашек крепчайшего кофе, от которого у обычного человека давно бы прихватило сердце, тоже помогали держаться. Как говорил Сашкин институтский профессор: «Это предрассудок, что кофе отрезвляет. Он просто помогает пьяному дольше сохранять активность».

Но в глазах его мелькнуло нечто такое... Человек, которому приходится врать даже и профессионально, не в силах контролировать абсолютно все эмоции, надо только знать и уметь замечать недоступные непосвященному тончайшие изменения мимики и настроения пациента.

– В попытке найти свое место в послевоенном мире я решил попробовать себя в недостойном приличного человека ремесле коммивояжера...

– Вы? – искренне удивился Шульгин. – И чем же вы торгуете?

– К счастью, не галантереей. Мои... наниматели предложили мне, как специалисту, попытаться продать русскому флоту, поскольку он теперь является фактическим владельцем линейного крейсера «Гебен», он же «Явуз Султан Селим», имеющиеся на заводе фирмы «Блом унд Фосс» запасные орудийные стволы главного калибра от однотипного с «Гебеном» крейсера «Мольтке». А также фирма берется изготовить все необходимые для текущего и капитального ремонта детали котлов, машин и элементы корпусных конструкций. Также – взять на себя все работы по модернизации.

ции корабля. Вот и все.

«Это может быть и правдой, — подумал Шульгин. — А может и не быть. Для такой миссии на фирме наверняка есть более подготовленные специалисты: инженеры-кораблестроители, финансисты... Зачем им строевой офицер? При их-то безработице. Но пусть будет так.

Легенда ничуть не хуже всякой другой. Да и меня (в виде данной личности) она не касается никаким краем. Поговорили, приятно провели время и расстанемся, обменявшись визитными карточками, с взаимными уверениями в желательности и приятности грядущей встречи...

А вот для Кирсанова, конечно, придется направить сообщение. Пусть хорошенько проверит странного (с точки зрения русской контрразведки, конечно) визитера.

Кто ему выдал визу и разрешение на посещение Главной базы, когда, с чьей подачи и так далее...»

Шульгин проводил фон Мюкке до номера, который оказался на одном этаже с тем, который занимал он сам, и они весьма тепло простились, условившись, если получится, встретиться за ужином.

ГЛАВА 7

Слежку за собой Шульгин заметил почти сразу же. При чем велась она явно не силами местной контрразведки. Об этом он с Кирсановым договорился.

Городская полиция такими вещами не занимается по определению.

Значит?..

Или «хвост» из Москвы, или – конкурирующая фирма?

Стоп, стоп! Не из этой ли компании были ребята, в самый раз захотевшие пропустить по рюмочке? И мельком подметившие, как два иностранца уединились в укромном уголке.

Значит, за капитаном наблюдение давно установлено, а он этого пока только опасается (чего бы иначе он вообще старался укрыться за колонной?).

Раз так, любой новый человек, появившийся в его обществе, просто обязан привлечь интерес и вызвать соответствующие в свой адрес действия.

А если все наоборот и слежка вызвана тем, что некто заранее был информирован об уходе с «Призрака» и в курсе преобразования Александра Шульгина в Ричарда Мэллони?

Нет, вот это как раз вряд ли. Здесь все-таки Россия начала века, а не СССР и не США его конца.

Ни аппаратуры, позволяющей фиксировать перемещения оснащенного «жучком»-маячком человека, здесь нет, ни

специалистов соответствующего профиля и класса.

Уход свой он организовал безупречно, о нем не знал абсолютно никто, кроме Андрея.

Разве что, в порядке бреда и чтобы не оставить не рассмотренной ни одну из теоретических возможностей, допустить, что Воронцов или Левашов имеют возможность отслеживать перемещения и местонахождение каждого из своих биороботов. Вот они и засекли потерю.

Тридцать пять из сорока имеющихся роботов остались на «Валгалле», пятерых Воронцов передал Новикову в качестве экипажа «Призрака». Вот одного из них Андрей и предоставил в Сашкино распоряжение на роль слуги, помощника и охранника.

И если предположить, что на каком-то пульте центрального компьютера парохода фиксируется, что один из роботов оказался не там, где остальные, не на борту яхты, а в Севастополе...

А что тогда? Даже если допустить, что такое возможно и данный факт вызвал бы у Дмитрия сомнения, то Воронцов мог бы немедленно с «Призраком» связаться и все выяснить.

Если только... Если Воронцов, Берестин или Олег давно уже ведут собственные игры, имеют собственные спецслужбы и крайне интересуются его, Шульгина, планами.

Да нет, это уже чистый бред! Не соответствует такой ход мысли и стиль действий ни одному из упомянутых персонажей. Уж настолько он в людях разбирается.

Значит, скорее всего имеет место все-таки туземная инициатива.

Однако... Что-то слишком быстро жизнь начинает приобретать здоровую увлекательность. С первых часов пребывания в новой ипостаси.

... Вели его двое. Возможно, филеров в операции участвует больше, но заметил Шульгин пока двоих.

Фланирующий под зонтиком господин средних лет в не по погоде светлом чесучовом костюме и шляпе-канотье. Словно бы курортник, не желающий упускать ни дня, ни часа отдыха и заменяющий лежание на пляже прогулкой и ингаляцией целебным морским воздухом.

Второй – разносчик папирос с лотком через плечо, парень лет двадцати. Возраст слишком зрелый для столь пустячного занятия. И погода совершенно не подходящая для этого рода бизнеса.

Зато – благоприятная для филерства.

Позволяющая, как бы в поисках покупателей и одновременно – укрытия от дождя, хаотично перемещаться вдоль и поперек бульвара, заскакивать в подъезды, под металлические козырьки и матерчатые маркизы над витринами магазинов и вновь стремиться дальше, к выходу из кинематографа или к трамвайной остановке, выкрикивая время от времени рекламу своего товара.

«Месаксуди», пачками и на россыпь, «Ира», «Дюбек»,

«Дукат», «Кара-Дениз» – метр курим, два бросаем, гильзы, машинки, табак на любой вкус, налетаи, честной народ!

Сейчас не купишь, через час уши опухнут... Хошь на копейку, хошь на рупь, в кредит тоже отпускаем, каждому найдется!»

А дождь продолжался, неостановимый, словно здесь был не Севастополь, а Батум.

С юга наваливалось на город тучевое небо, рыхлое, гасившее все проблески света и погружавшее окрестности даже в полдень в мутный сумрак.

Казалось, этот сумрак сбегает, журча и плескаясь, по бесчисленным водосточным трубам, оцинкованным или окрашенным вспухшей и шелушащейся от старости бурой краской, по обращенным к морю ливневым стокам, вливается в пенистое море, растворяясь в нем и мутя без того непрозрачную воду.

Во мгле ревели простуженными сиренами и тускло блестя мокрыми бортами недовольные пароходы, рейдовые буксиры, моторные катера и паровые фелюги, держащие переправу с Южной на Северную сторону.

При наличии большого зонта, непромокаемого плаща и крепкой обуви такая погода даже приятна.

Островатый, пахнущий рыбой и водорослями воздух, музыкальный звон согласованно певших водосточных труб, успокаивающий, рассеянный серый свет...

Шульгин неторопливо шел по вымощенному мокро бле-

стоящей брусчаткой тротуару в сторону Владимирского собора, краем глаза наблюдал отражающиеся в зеркальных стеклах витрин маневры своих шпииков.

Квалификацией до «наружников» семидесятых-восемидесятых годов они явно не дотягивали.

Но, возможно, уровень их подготовки соответствовал степени наблюдательности и ловкости современных им объектов.

Не приучены еще здесь люди узнавать филеров по единственному неосторожному взгляду, немотивированной напряженности или, напротив, расслабленности позы, темпу движений, по множеству иных мелких и мельчайших признаков.

Очевидно, что цель агентов – отслеживание его возможных контактов. Вряд ли планируется силовая акция вроде «официального» ареста, похищения или даже физического устранения.

Впрочем, опыт предыдущих покушений, организованных тайной транснациональной организацией, которую условно окрестили «Системой», свидетельствовал, что проблем нравственного характера у противников не существует.

Но и сам Шульгин прошлой зимой достойно ответил неприятелю, организовав взрыв в «Хантер клубе», унесший жизни почти всех высокопоставленных функционеров организации, а главное – квалифицированных руководителей службы безопасности «Системы».

По данным Агранова, та акция имела шоковый эффект. Похоже, высшее руководство «мировой закулисы» намек поняло и последние полгода заметной активности на территории Югороссии не проявляло.

Но это не значит, что оно свернуло свою деятельность. Скорее – изменило тактику, а то и стратегию.

Вполне разумно предположить, что и следят сейчас за ним как раз люди «Системы». Обеспечивающие прикрытие немца или – если он не их человек – присматривающие и за ним тоже.

Если их полно было в руководстве бывшей советской ВЧК, так и в белом Крыму отчего их должно быть меньше?

Утешало что?

Кирсанов после победы капитально профильтровал штаты врангелевского «Освага», создал на его месте практически новую организацию. Да и вообще вербовать прошедших три года жесточайшей братоубийственной войны русских офицеров-контрразведчиков западным агентам технически куда труднее, чем евреев-интернационалистов красной охраны, имевших многолетние зарубежные связи, как деловые, так и родственные.

Поэтому вряд ли стоит опасаться, что неизвестный пока противник работает с помощью или под крышей местного отделения госбезопасности.

С дилетантами же и разговор будет другой.

Если его предположения верны, фон Мюкке может ока-

заться вдвойне полезным человеком, и наметившиеся отношения прерывать никак нельзя.

Вот только остается вопрос, за кого «они» держат сэра Ричарда Мэллони?

Считают его напарником и связником немца (если он не их человек, а представитель конкурирующей фирмы) или, напротив, видят в нем агента неприятеля, ищущего подходы к человеку «Системы»?

Как бы то ни было, есть шансы позабавиться. Но полагаться придется только на себя и робота Джо, которого немедленно следует перепрограммировать из патриархального «верного слуги» в этакое Джеймса Бонда.

Вдвоем против всего мира. Вполне нормальное соотношение сил.

Шульгин несколько ошибся насчет квалификации шпииков. На третьем квартале папиросник, сообразив, что выход за пределы территории, на которой он, согласно легенде, торгует, может показаться объекту подозрительным, условным, но сразу расшифрованным Сашкой жестом передал вахту напарнику – франтоватому наемному посыльному в красной каскетке, отиравшемуся якобы в поисках нанимателя у вертящихся стеклянных дверей Пассажа.

Эти посыльные, именуемые в просторечии «красными шапками», брались доставить, кто пешком, а кто на велосипеде, письмо, букет цветов с визитной карточкой или коробку конфет для дамы сердца, покупку из магазина в любой

конец города, быстро и за умеренную плату.

Весьма удобное прикрытие – «красную шапку» можно встретить где угодно, бегущего с поручением, лениво слоняющегося в ожидании нового клиента, отдыхающего от трудов праведных на скамейке бульвара или в кофейне.

И внимание они привлекают не больше, чем почтальон в известном детективном фильме. Вообще словно не человек, а голая функция.

Судя по всему, не пустячную роль отводят неизвестные господа новозеландскому путешественнику.

Шульгин не видел, чтобы посыльный его обгонял, значит, ждал здесь своего часа. И, наверное, подобные ему ребята караулят на всех прилегающих улицах, куда бы ни вздумалось ему направиться, выйдя из гостиницы.

А фланер в чесуче, похоже, у них вроде разводящего. Или – обеспечивающий операцию.

Раций-то у них пока нет, вот и приходится руководить в пределах прямой зрительной связи с помощью условных жестов и поз.

Вон сейчас ведущий облокотился о парапет набережной и бросает чайкам кусочки булки. Это что-нибудь значит или просто мотивированная остановка в удобном для наблюдения месте?

Шульгин, не обращая больше внимания на «хвост», дошел до полицейского участка, минут за десять прошел процедуру регистрации, получил в паспорте отметку, позволяю-

щую находиться на территории Севастополя и всего Южного берега до 30 суток, и той же неспешной походкой направился обратно в «Морскую».

Осмотру исторических достопримечательностей погода не благоприятствовала. Даже столь привычный к климату любых частей суши странник по мере сил предпочитал придерживаться библейского завета: «Все хорошо во благовремении»...

... По широкой пологой лестнице, застеленной серо-голубой ковровой дорожкой, он поднялся в бельэтаж гостиницы.

Четырехметровой высоты коридоры со сводчатыми потолками, почти такие же высокие, крашенные эмалью «слоновая кость» двери номеров с застекленными верхними филенками, запахи мастики для полов, какая-то особая гулкая тишина вдруг напомнили ему военную гостиницу, в которой довелось жить, попав единожды за два года службы в командировку в Хабаровск.

Только там все выглядело запущенным, разрушающимся, ощутимо старым, даже древним. Этаким случайно уцелевший сколок дореволюционной жизни.

Здесь же навощенный паркет отражает свет бронзовых люстр и бра, дверные ручки и круглые дощечки номеров сияют самоварным золотом, глянцевитая краска оконных рам и дверей нанесена словно лишь вчера.

Угловой трехкомнатный номер люкс окнами холла выхо-

дил на море, кабинета – на неширокую, мощенную булыжником улицу с трамвайными путями посередине, а к спальне примыкал обширный крытый балкон, нависающий над тихим зеленым двором, где на веранде уныло мокли столики летнего кафе.

Шульгин приказал роботу Джо, вскочившему, как и положено вышколенному слуге, с диванчика, на котором он якобы отдыхал, принести и открыть третий и пятый чемоданы.

В третьем, который вряд ли поднял бы в одиночку обыкновенный носильщик-человек, кроме положенного странствующему рыцарю оружия: охотничьей двустволки «зауэр», штуцера Снайдера с оптическим прицелом для стрельбы по крупной дичи, пистолета «маузер» с ореховой кобурой-прикладом, весьма популярного в начале века у путешественников в качестве легкого карабина, хранились и более специфические предметы.

Минимально необходимый комплект для «быстрого реагирования» – отразить скоротечную агрессию и, в случае необходимости, с боем пробиться к тайнику с более серьезной техникой.

В кофре находились: пистолет-пулемет Судаева – Шульгина, с большим искусством и выдумкой переделанный Сашкой из стандартного «ППС», портативный снайперский карабин собственной конструкции, стреляющий ртутными пулями, запас обычных и фотоимпульсных гранат, с килограмм супермощного эластита, набор всевозможных взры-

вателей к нему.

Ну и, конечно, потребный «на первый случай» запас патронов. Основная часть тяжелого оружия и боеприпасов, общим весом килограммов триста, хранилась в специальных коробках и ящиках, тщательно смонтированных под днищем и между бортами «Доджа».

В кармане плаща Шульгин постоянно носил лишь штучной работы «ТТ» с удлинненным на пять сантиметров стволом и особо мощными патронами, а в открытой кобуре под мышкой – девятимиллиметровую восемнадцатизарядную «беретту».

Роботу он велел взять и спрятать под пиджак испанский «маузер-астра» с приставным магазином и переводчиком на автоматический огонь, к которому подходили отечественные патроны 7,62.

Любой ценитель оружия знает, что данная модель намного превосходит по всем характеристикам германский прототип.

Этот пистолет теоретически мог прицельно стрелять на 200 метров, и, готовясь в поход, Шульгин убедился, что на указанной дистанции робот в тире уверенно поражает все жизненно важные органы человека, изображенные на ростовой мишени.

Затем Шульгин подобрал в пятом чемодане необходимый по прогнозируемой обстановке комплект технических спецсредств: видеокамеру для установки под потолком гостинич-

ного коридора, «жучки»-микрофоны, датчики массы, капсулы с усыпляющим газом.

... В крокодиловой кожи чемоданчике, очень похожем на дорожный несессер богатого, уважающего себя путешественника, у него помещался специальный вариант компьютера – своеобразный гибрид земной и форзейлианской техники, с жидкокристаллическим экраном изнутри крышки, основной памятью в пять гигабайт и оперативной в 128 МгБ.

На Земле таких делать пока не умели, самый лучший «Макинтош» или «Атари» имел характеристики в сотню раз хуже, а главное – нуждался в сетевом питании.

А еще этот компьютер служил в качестве блока управления биороботами.

Шульгин нашел соответствующую подпрограмму и с быстротой виртуоза-пианиста запорхал пальцами над сенсорными полями, вводя задание на изменение внешности и специализации Джо.

... Через полчаса по лестнице черного хода ресторанной кухни осторожно, с трудом нащупывая негнушимися ногами каждую следующую ступеньку, спустился, опираясь на ветхий зонт-трость, до удивления старый еврей.

Классический хасид, может быть, даже цадик¹⁰, в лапсердаке, круглой шляпе, железных очках, с длинными седыми пейсами. В левой руке он бережно нес латунные судки, в ко-

¹⁰ Цадик – духовный авторитет у религиозных иудеев.

которые здесь, на кухне, отпускали беднякам по дешевке не доеденные клиентами и не представляющие интереса для обслуги остатки первых и вторых блюд.

Преодолев не менее опасную для больного старика, чем для опытного альпиниста северный гребень Эвереста, лестницу, еврей потащился со скоростью усталой черепахи по Большой Морской.

Очень похожий прототип Шульгин заметил, въезжая утром в город на окраинной улочке Корабельной слободы, и решил, что, с одной стороны, удивления он не вызовет и внимания филеров не привлечет, а с другой – практически исключается возможность нежелательной встречи двойников лицом к лицу на людной центральной улице.

Конечно, Сашка мог бы остановиться на менее экзотическом варианте маскировки, но так уж ему захотелось. Причуда мастера.

Старик, часто отдыхая и цепко оглядывая во время остановок окрестности, дотащился в конце концов до бело-зеленого двухэтажного особняка с малоприметной вывеской «Севастопольское отделение Агентства специальной государственной информации», по сути – аналога совдеповского ГПУ.

Правда, само название учреждения подчеркивало, что контрразведка никаких карательных, судебных функций не имеет и исполнением наказаний тоже не занимается, а всего лишь информирует надлежащие власти о событиях, имею-

щих происходить в сфере ответственности означенного ведомства.

Однако знакомая многим по советским временам табличка на двери «Прием граждан круглосуточно» присутствовала и здесь, только в более мягкой и уважительной редакции – «Прием господ посетителей – в любое время».

Дежурный чиновник в партикулярном платье, но выправкой и манерой держаться весьма напоминающий офицера, поднял глаза на господина посетителя и не удержался от удивленного междометия.

Нечто вроде простонародного «во, бля», но не обязательно дословно.

Вертя в руках карандаш, чиновник молча наблюдал, как старый, скорее даже древний, еврей, поставив на пол судки, роется в многочисленных карманах.

Наконец он извлек желтоватый почтовый конверт и произнес, астматически похрипывая, с великолепным одесско-местечковым произношением:

– Я, конечно, ужасно извиняюсь, только один молодой голодранец из наших отчего-то не захотел сам дойти до вашего уважаемого заведения и попросил меня занести этот конвертик. Вам, мосье Нахамкес, сказал он, совсем нетрудно будет заглянуть туда по дорожке. Вы же все равно давно уже никому не нужны из ближних, так сделайте пользу дальнему. Занесите, сказал мне этот не очень вежливый шабат-гой¹¹, и

¹¹ Шабат-гой – еврей, не соблюдающий праздник Субботы.

обязательно дождитесь ответа... И он уже прав, скажу я вам. Спешить мне давно совсем некуда, тем более что в Севастополе так и нет как нет еврейского кладбища...

Чиновник, выслушав, улыбаясь, тираду, взял конверт. Достаточно коряво и не слишком грамотно на нем было написано синим карандашом: «Господину начальнику лично в собственные руки».

Чиновник служил не первый год и хорошо знал, что в их контору информация поступает самыми разными путями и о ее важности никак нельзя судить по способу доставки, как бы карикатурно он ни выглядел.

– Хорошо, мосье Нахамкес, подождите вон там на скамейке. Можете курить, если угодно...

– Спасибо на добром слове, только я лучше пешком постою. Если мне сесть, так уже трудно будет подняться. А насчет закурить другое спасибо, особенно когда вы мне угостите...

Продолжая усмехаться и прикидывая, как эту историю можно будет преподнести друзьям за вечерним преферансом, чиновник хлопнул ладонью по механическому звонку, вызывая вестового, и протянул еврею портсигар, набитый отличными турецкими папиросами «Кара-Дениз». В примерном переводе – «Черноморские».

С известных времен они поступали в Россию в неограниченных количествах и были так же дешевы и популярны, как «Шипка» и «Солнце» во времена развитого социализма.

Начальник отделения, моложавый, хотя уже седеющий подполковник с университетским значком и терновым венцом участника Ледяного похода на кителе, костяным ножом вскрыл конверт, извлек квадратик хорошей вощенной бумаги, на котором совсем другим почерком и стилем было написано:

«Призрак 26/10».

Прошу сообщить, проводятся ли сегодня какие-либо оперативные мероприятия в отношении одного из постояльцев гостиницы «Морская». Если нет – «нет». Если да – фамилия объекта разработки.

В любом случае прошу до завтрашнего утра своих людей к гостинице и ее близким подступам не направлять. Подателю сего выдайте 3 рубля из соответствующих сумм».

Перед своим уходом Шульгин условился с полковником Кирсановым, что тот передаст спецсвязью приказ начальникам всех губернских и городских управлений контрразведки России оказывать необходимую помощь и содействие лицу, назвавшему пароль «Призрак».

Тот же пароль с добавлением текущей даты и месяца предписывал начальникам управлений, отделов и отделений сообщать обратившемуся оперативную информацию любой степени секретности.

Если же к паролю добавлялись цифры не только даты и месяца, но и часа с минутами, то подразделение АСГИ це-

ликом переходило в полное подчинение предъявителю сего.

Крайне просто, надежно, а главное, исключает всякую возможность злоупотреблений со стороны самих контрразведчиков.

Просто потому, что никому не ведома степень универсальности пароля.

Вполне ведь возможно, что для ялтинского или ставропольского начальника службы это же кодовое слово требует совсем других дополнений или, еще того проще, означает прямо противоположное: немедленно задержать произнесшего пароль и этапировать в центр «по первой категории».

... Получив ответ, тоже в заклеенном конверте и с присовокуплением двух потрепанных рублевых бумажек и горсти мелочи, Джо поплелся по улице, присматривая место, где можно без помех избавиться от уже ненужной маскировки.

Однако не успел. Из подворотни двухэтажного дома с широким балконом на чугунных колоннах шагнул ему навстречу поджарый молодой жлоб в фуражке-мичманке, с прилипшей к нижней губе папиросой.

– Ну, жидовская морда, иди-ка сюда. Рассказывай, зачем в «хитрый домик» ходил, кого из ребят закладывал?

При этом он сжал руку Джо через ветхую ткань лапсердака так, что старому человеку стало бы по-настоящему больно.

Подобный расклад программа работа предусматривала. Постановая и похныкивая, бормоча жалкие слова, Нахам-

кес подчинился, с трудом успевая за парнем, кое-как доплелся до середины темной, воняющей кошачьей и человеческой мочой подворотни.

Потом спокойно взял левой, похожей на куриную лапу, рукой обидчика за запястье, совсем чуть-чуть придавил.

От неожиданной острой боли (лучевая и локтевая кости сломались сразу) парень взвыл, завертелся на месте.

Правой снизу вверх Джо ударил его в подбородок. Наверное, так бил партнеров на ринге пресловутый Мохаммед Али, он же Кассиус Клей.

Не интересуясь, жив агент или уже нет, робот обшарил его карманы.

Не нашел ничего интересного, кроме бронзового тщательно выточенного кастета. Наверное, безработные лекальщики с морзавода делали на заказ.

Джо перебежал через двор, где, по счастью, не оказалось никого из жильцов, и собаки тоже не было, к дощатой уборной на три очка, сбросил в дыру и лапсердак, и очки, и шляпу. За следующие пять минут преобразился в статного морского унтера сверхсрочной службы.

Вышел, огляделся по сторонам, сплюнул, закурил и вразвалочку, с видом никуда не спешащего человека направился окольными переулками в сторону гостиницы.

Получив ответ из контрразведки, Шульгин знал теперь все необходимое и мог планировать дальнейшие действия.

Вернул работу исходную внешность, отдал очередные распоряжения на ближайшее время и вновь уединился в кабинете.

На своем портативном компьютере он открыл папку «Персоналии» и набрал на клавиатуре имя Гельмута фон Мюкке.

В памяти этого раздела содержалась информация обо всех людях, живших во второй половине XIX и XX века, хотя бы раз упоминавшихся в любой справочной литературе, хранящейся в Ленинской, Конгресса США и аналогичных им библиотеках цивилизованного мира.

Естественно, из реальности, условно называемой «№ 1», или же – Главной исторической последовательностью.

Соответствующая статья высветилась на экране почти мгновенно:

«Мюкке, Гельмут фон. 1881 – 1957. Корветтен-капитан кайзеровского флота. В 1914 г. – старший офицер легкого крейсера «Эмден». В 1916 г. – командир германо-турецкой речной флотилии на Евфрате, в 1917 – 1918 гг. – командир Дунайской полуфлотилии катеров. Кавалер Железного креста 1-го класса, Рыцарской короны к Железному кресту (аналог Рыцарского креста Третьего рейха), австро-венгерских и турецких медалей. С 1918 г. в отставке. С 1919 г. член НСДАП. С 1929 г. руководитель движения за объединение НСДАП и КПП. После 1933 г. за свои взгляды неоднократно арестовывался гестапо. После

1945 г. сторонник Стокгольмского Движения за мир и противник ремилитаризации ФРГ. Писатель, историк, философ, публицист. Умер 30.06.57 в Аренсбурге, Шлезвиг-Гольштейн».

Шульгин выключил компьютер. Все сходится. Ни в одном слове капитан не солгал, если не считать цели своего появления в Севастополе.

Впрочем, почему солгал? Откуда ты знаешь, что и о целях своей поездки он сказал неправду? Не всю правду, так это совсем другое дело.

Какой разумный человек станет откровенничать перед незнакомцем, в чем-то даже подозрительным? Этническим врагом, если угодно.

Мог он, свободно, взять в качестве прикрытия поручение от фирмы. Поговорить, позондировать почву, даже заключить никого ни к чему не обязывающий «Протокол о намерениях».

Главное же то, что на данный момент он член нацистской партии (да какая там партия, сотни две-три в ней сейчас членов, не тридцатый пока год, а лишь двадцать первый. Даже до «Пивного путча» далеко) и, по определению, в «Систему» входить не должен.

А ежели он еще и сторонник объединения двух самых «веселых» в XX веке идеологий, то вполне может быть агентом... ну, если не Троцкого, то близких к нему платформ.

Интересно, крайне интересно...

И вдобавок фон Мюкке предстоит еще очень долгая жизнь. Точнее, предстояла, на иной, впрочем, исторической линии.

А здесь она может как и продлиться за отмеченные пределы, так и оборваться завтра, если даже не сегодня.

Поскольку в нее вмешался на первый взгляд не слишком значительный фактор – случайно подсевший за столик иностранец, искатель приключений. А во что выльется этот незапланированный «шаг в сторону» – не угадать и Держателям Мира.

(Здесь необходимо пояснение. Шульгин имел в виду высказанную неизвестным ему автором максиму: «Подчас всего один шаг в сторону от привычного маршрута способен изменить всю будущую жизнь человека».)

Он закрыл крышку «компа», встал, потянулся, окликнул слугу:

– Пойди, Джо, понаблюдай, на месте ли проживающий в номере 23 господин, и проследи, чтобы с ним ничего неожиданного не случилось до вечера. А я пока вздремну пару часиков по-человечески, в постели. Если господин фон Мюкке выйдет из номера раньше, с явным намерением отправиться в город, сделай так, чтобы он предварительно зашел ко мне. Но – без всякого насилия. Исключительно силой убеждения...

Никуда капитан до вечера не вышел.

Видимо, после хорошей дозы коньяка да под успокаивающий шум дождя, под мягким верблюжьим одеялом ему тоже хорошо спалось.

Поэтому Шульгин сам к нему заглянул примерно за час до ужина. С самыми серьезными намерениями.

Номер немец занимал не столь роскошный и дорогой, но вполне приличный, просторный, хотя и однокомнатный, с таким же, как у Шульгина балконом во двор.

«В случае необходимости, – подумал Сашка, – можно свободно перебраться по карнизу...»

Фон Мюкке только что закончил бриться (как джентльмен, второй раз за день) и благоухал хорошим мужским одеколоном с сухим горьковатым запахом.

Появление нового приятеля он встретил с энтузиазмом. Трудно сказать, насколько искренним.

– Только коньяк сегодня пить больше не будем, – сообщил фон Мюкке, улыбаясь. – Слишком вышибает из колеи. Лучше – местные вина. Говорят, они превосходны.

– Я тоже об этом слышал. Вот и проверим, насколько слухи соответствуют. Однако насчет коньяка вы тоже не совсем правы. Один мой знакомый говорил: спиртное в умеренных дозах полезно в любых количествах.

Немец, когда до него дошел юмор этой сентенции, которая, по определению, не могла принадлежать ни англичанину, ни немцу, долго смеялся, даже повторил ее, наверное, чтобы лучше запомнить.

Но юмор юмором...

– Присядем, господин капитан, – очень светски, в стиле какого-то романа начала этого или конца предыдущего века сказал Шульгин. – Нам есть о чем побеседовать. Причем – очень серьезно. Я понимаю, что мое вторжение в вашу жизнь может выглядеть странно и внушить такому человеку, как вы, обоснованные подозрения. Но тем не менее...

– Не совсем понимаю, о чем вы... – ответил фон Мюкке небрежно, но внутренне подобрался. Такие вещи Сашка ощущал на уровне безусловных рефлексов.

– Я могу производить впечатление человека эксцентричного и даже недалекого, но эта оценка будет не совсем правильной. Просто мои интересы и пристрастия не всегда пересекаются с плоскостью реальной жизни.

Общественное положение, приличное состояние и удаленность моей родины от центров мировой политики делают меня достаточно автономным от нее. Когда вы, европейцы, пять лет увлеченно уничтожали друг друга без всяких логически объяснимых причин, я предпочитал охотиться на антилоп в Кении и изучать пещерные храмы Аджанты в окрестностях Аурангабада. Довольный тем, что могу не участвовать в охватившем мир безумии...

– И к чему вы это говорите? – нетерпеливо прервал немец слишком длинный, на его взгляд, период.

– К тому, – не обидевшись на невежливость собеседника, ответил Шульгин, – что, несмотря на приверженность буд-

дистским принципам «неучастия» и «неделания», необходимость научиться выживать в экстремальных ситуациях сделала меня достаточно наблюдательным и, я бы сказал, сообразительным...

Он жестом руки остановил начавшего вновь открывать рот капитана.

– Все, все, перехожу к сути. Дело в том, что сегодня после завтрака я вышел прогуляться в город и немедленно заметил за собой довольно плотную и квалифицированную слежку. Она, кстати, продолжается и сейчас...

Фон Мюкке непроизвольно дернул головой, словно собираясь оглянуться, не притаился ли филер за плотной портьерой.

– Нет-нет, насколько я смог проверить, следят только за парадным и черным выходами из гостиницы. На этажи пока никто не проник, мой слуга за этим присматривает.

Но я продолжу.

Поскольку я абсолютно убежден, что проявлять ко мне нежелательный интерес на всем земном шаре основания имеет только раджа Элоры и Аджанты, а его юрисдикция и возможности так далеко не распространяются, я делаю вывод – следят на самом деле не за мной, а за вами. Вы об этом знаете?

Капитан хотел было ответить – «нет», но в последний момент удержался и просто пожал плечами.

– Честно сказать, Гельмут, – Сашка позволил себе неко-

торуемую фамильярность, – мне проще всего было бы не впутываться в дела, которые меня никаким краем не касаются, однако...

– Считаете себя чем-то мне обязанным или решили помочь из чистого альтруизма? – В голосе немца прозвучала ирония. Мол, заранее знаю все твои приемчики.

– Упаси бог, до альтруизма я никогда не опускался. Преследую исключительно личные интересы. В том числе главный – поучаствовать в очередном приключении. Я, признаться, коплю впечатления. К старости...

– Уж и не знаю, чем могу быть вам полезен. Ну, допустим, за мной следят. И за вами. А что здесь удивительного и загадочного? Только что закончилась очередная война. Следующая – на пороге, что следует хотя бы из переведенной вами газетной заметки.

В город, который остается пусть и тыловой, но базой военного флота, один за другим прибывают два иностранца. Один – то есть я – не так давно уже бывал здесь, в качестве оккупанта. Второй – то есть вы – что там ни говори, а подданный страны, с которой Югороссия находится в состоянии конфликта, балансирующего на грани большой войны. Контрразведка любой державы не оставила бы данный факт без внимания.

Далее – названные персонажи встречаются и имеют продолжительную беседу.

Зачем, о чем? Почему бы и не понаблюдать за означенны-

ми лицами. Просто для профилактики. Убедительно с точки зрения местной, да и любой в мире контрразведки?

– На первый взгляд – вполне. Но лишь на первый. Вы каким образом добрались до Севастополя?

– Поездом. Через Варшаву – Киев.

– Визу получали в Берлине?

– Естественно.

– Долго ждали?

– Почти месяц.

– В анкетах писали о себе правду? Включая эпизод 1918 года?

– Чистую правду. К чему вы клоните? А, понял. Хотите сказать, что русская контрразведка давно выяснила обо мне все, что ее интересует, и вряд ли станет устанавливать здесь «плотную опеку»?

– Приблизительно так. Не того вы масштаба фигура, прошу прощения. Я – тем более. Если бы мы еще появились в Царьграде, в Чанаккале, да хоть бы и в Харькове, а здесь... Думаю, вами интересуются несколько другие службы. Вряд ли югоросские.

– Чьи же тогда? – Фон Мюкке выглядел если не обескураженным, то удивленным. Возможно, он и на самом деле счел высказанную Шульгиным трактовку событий правдоподобной.

– Откуда мне-то знать? – в свою очередь, удивился Шульгин. – Не переоценивайте моих способностей. О здешней

жизни, раскладе политических и прочих сил, о германо-русских отношениях я знаю ровно столько, сколько можно узнать при нерегулярном чтении газет.

Пролистал, правда, пару книг, написанных бойкими иностранцами о здешних событиях по горячим следам, чтобы совсем уж профаном не выглядеть, но цену такого рода продукции вы и без меня должны знать...

Тут уж сами думайте, кому дорогу перешли. Но на меня рассчитывать можете, если вами интересуются не местные органы правопорядка, а, скажем... неофициальные, в том числе и зарубежные структуры. – Подумал с британской основательностью и добавил: – До определенных пределов, разумеется.

– Непонятный вы для меня человек, – со вздохом сказал немец. – Где, кстати, гарантии, что вы сами не принадлежите к тем же самым кругам, которые якобы следят за мной? И в чем может заключаться ваша помощь, каковы ее пределы?

– Гарантий, само собой, никаких быть не может. По определению. Да и зачем они? Ни о чем я вас расспрашивать, тайны выпытывать не собираюсь, участвовать в ваших делах – тоже. А помогу, как европеец европейцу, встреченному в джунглях и попавшему в беду.

Такие у меня принципы. Вот у меня пистолет есть, – он тут же продемонстрировал капитану «ТТ», вытащив его из кармана пиджака, – у слуги моего – надежный «маузер», стрелять мы умеем недурно.

Если к вам попробуют применить силу – сумеем защитить. Хотите, Джо будет вас сопровождать по городу? Буду уезжать на север – могу взять с собой, довезем до удобного вам места. Вот примерно все, на что вы можете рассчитывать. Ну и, разумеется, буду держать вас в курсе, если слежка за мной получит продолжение.

– Благодарю за предложение. Если все так осложнится – непременно воспользуюсь. Вы когда думаете уезжать?

– По настроению. Дня через два, три. Я все же хотел бы осмотреть памятные места Крымской войны, царские дворцы, Ботанический сад. Лишь бы дожди закончились.

– Я думаю, поговорили мы достаточно. Пойдемте, на самом деле, ужинать, – предложил фон Мюкке.

– С удовольствием. Русские говорят: «Соловья баснями не кормят». В тот же самый ресторан предлагаете отправиться или...

– Считаю, лучше в другой. Помню еще по восемнадцатому году, здесь было достаточно заведений экзотических, «в кавказском духе».

Последнее он произнес по-русски, старательно выговаривая слова.

– Внизу у портье уточним, где помещается наилучшее из них. Надо же, чтобы было что вспомнить в старости...

Шульгин с энтузиазмом согласился, заявив, что изучение особенностей национальных кухонь всегда представляло для него интерес в посещаемых странах.

– Не поверите, в Южной Родезии я лакомился засахаренной саранчой, в Канаде индейцы угощали меня кишками оленя-карибу, запеченными вместе с содержимым... – Увидел, как скривился немец, рассмеялся. – Нет-нет, совсем не то, что вы подумали. Тонкими кишками, отнюдь не толстыми, где в самом деле... Перед тем как забить оленя, его кормят специальными ароматическими травами и кореньями, и они, еще не переваренные, лишь пережеванные и слегка сдобренные желудочными ферментами, придают блюду весьма пикантный вкус...

Ладно-ладно, пощажу ваши чувства. Насколько я убедился в Баку, кавказская кухня более традиционна. Посмотрим, что готовят здесь. – Уже спускаясь по лестнице, Шульгин добавил: – Заодно посмотрим, как поведут себя наши... симпатизанты. Или я совсем ничего не смыслю в жизни, или нас уже опять каким-то образом «пасут».

Ставлю две гиней против рюмки коньяка, что, пока мы будем расспрашивать портье о ресторане, немедленно объявится некто, называющий себя вашим или моим приятелем или просто вольным стрелком-чичероне, примется выяснять, чего мы хотим увидеть в этом городе, предложит куда лучший ресторан, девочек и все такое...

– А если нет? – поинтересовался фон Мюкке.

– Я же сказал: две гиней с меня. И будем смотреть дальше... Поедем на моем автомобиле. Джо нас отвезет, а потом из укромного места понаблюдает, прав ли я в своих предпо-

ложениях.

— Принимается... — продолжая сомневаться и в то же время втайне радуясь, что судьба свела его со столь опытным и, по всему судя, надежным человеком, ответил капитан.

... Ездить на угловатых, вроде бы малокомфортных, но с мощными моторами и удивительно надежных «Виллисах» и «Доджах» российского производства тоже с некоторых пор стало весьма модно среди богатых, уважающих себя людей.

Даже и в Европе. А поскольку строились эти «вездеходы» (вернее, собирались, так как на месте штамповались и ковались только кузова и рамы, все остальное поставлялось с дубликаторов «Валгаллы») только в Югории, на екатеринославских и харьковских заводах, то и назывались машины отнюдь не так, как по привычке написал автор, а «Дон» и «Днепр» соответственно.

В свободную продажу, тем более на внешний рынок, поступало крайне ограниченное число экземпляров, и стоил каждый бешеных денег.

Примерно вдвое дороже, чем «Испано-Суиза», хотя вместо роскошной каретки, отделанной кожей, с мягкими диванами и хрустальными пепельницами, пассажирам предлагались лишь жесткие дерматиновые сиденья и хлопающие под ветром брезентовые тенты.

Зато мотор, зато подвеска! И высочайшая надежность исполнения.

Если на самом роскошном кабриолете и лимузине не только шины, но и сами колесные диски приходилось менять через 300 – 500 километров, а за пределами городского асфальта и булыжника им вообще нечего было делать, то «Днепр» (он же «Додж 3/4») на своей всесезонной резине мог без остановки за сутки домчать от Севастополя до Москвы и за двое – до самого Берлина.

Независимо от погоды и иных привходящих обстоятельств. Причем расходуя в пять раз меньше горючего.

Свой джип сэр Мэллони, по легенде, приобрел в Баку, сойдя с парохода. На что имелись соответствующие документы.

Внешне он был очень похож на серийный, но делался Сашкой «для себя».

Имел штампованный титановый корпус с подкреплениями, противопульную бронезащиту сидений и мотора, на вид брезентовый, а на самом деле кевларовый тент, протестированные шины с автоподкачкой, компактный 250-сильный многотопливный дизель, соответствующую ходовую часть и механизмы управления.

Джо вывел машину из каретного сарая, предоставленного управляющим гостиницей в качестве гаража, Шульгин и фон Мюкке заняли места под тентом, и робот рванул из ворот, свернул в ближайший переулок, погнал в сторону Исторического бульвара.

От наблюдателей, сколько бы их ни было, они оторвались

резко и надежно. Ни на извозчике, ни на автомобиле, если бы он у них даже был, угнаться за петляющим по улицам на сорокакилометровой скорости джипом было невозможно.

– Все. Потерялись, – сказал Шульгин, когда Джо остановил машину у крыльца ресторана, именующегося просто и без затей – «Тифлис», чтобы всем все было сразу понятно. Но и без вывески льющийся из-за ограды густой запах древесного угля и жарящейся на нем баранины не позволял ошибиться.

– Проходите, выбирайте столик, я вас догоню. – Шульгин задержался около машины.

– Возвращайся назад, Джо. Машину оставь здесь, и бегом. Найди способ проникнуть в гостиницу незаметно. Через задние дворы, через балкон. В номере господина Гельмута я оставил микрофон. Запрись в наших комнатах, наблюдай. В случае чего поступай по обстановке, но никакого шума. Действуй.

За ужином, наслаждаясь великолепными шашлыками, наанизанными на стальные шампуры, посыпанными кислым порошком барбариса и корицей, обложенными зеленым луком, заедая их свежим лавашем и запивая марочными «Хванчкарой», «Вазисубани» и «Изабеллой», ни о чем серьезном не говорили.

Шульгин решил, что клиенту надо позволить созреть. Кроме того, интуиция подсказывала, что события на сегодня еще далеко не исчерпаны.

А пока он неторопливо жевал душистое мясо, маленькими глотками отпивал терпкое вино и допытывался у капитана, отчего германский морской Генштаб ограничился посылкой в океанское рейдерство всего трех легких крейсеров, оставив остальные бесполезно ржаветь в Гельголанде, Вильгельмсгафене и Данциге.

— Два десятка таких крейсеров, как ваш «Эмден», а тем более типа «Бреслау», заблаговременно прорвавшись в океаны, заставили бы англичан бросить на их поимку впятеро больше кораблей. Они мотались бы из Тихого в Индийский, в Атлантику и обратно, торговля и воинские перевозки были бы парализованы куда надежнее, чем всем вашим подводным флотом...

— Вопрос из разряда так называемых «проклятых», — прожевав очередной кусок, кивнул немец. — Во все времена независимо мыслящие люди недоумевали, пытаясь понять логику власть имущих, и указывали на очевидные, труднообъяснимые просчеты как в военных кампаниях, так и во многих других ситуациях.

Что, русский император Николай не мог в марте семнадцатого собрать три полка верных солдат и офицеров, совершить стремительный марш на Петроград и навести порядок? Предварительно публично расстреляв тех, кто приехал к нему требовать отречения... Были же у него надежные люди, раз потом, когда почти все уже было потеряно, нашлись для сопротивления большевикам и бойцы, и командиры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.